

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

ИНЫЕ БЕРЕГА

1 (10) 2010

ЖУРНАЛ
Объединения русскоязычных литераторов
Финляндии

Хельсинки 2010

Главный редактор

Соломон Кагна
<http://solomonkagna.ucoz.ru/>

Заместитель главного редактора

Людмила Яковлева

Редакционная коллегия

Л. Корниенко
М. Крошнева, кандидат филологических наук, доцент
О. Пуссинен, кандидат филологических наук

Корректор

М. Главатских

Журнал выходит два раза в год, весной и осенью.

Подписка на журнал принимается по e-mail:

inyeberega@gmail.com

Информация о журнале расположена на сайте

<http://inyeberega.ucoz.ru>

Тексты для публикации принимаются по электронной почте.

inyeberega@gmail.com

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов.

Присланные материалы не рецензируются.

Издатель: Объединение русскоязычных литераторов Финляндии.

© ИНЫЕ БЕРЕГА 1 (10) / 2010

Издание осуществляется при финансовой помощи
Министерства образования Финляндии

Содержание

СТИХИ И ПРОЗА

Вера Пауданен	
Заранее.....	9
Жизнь идет.....	9
Рук моих не любит счастье... <i>Стихи</i>	10
Соломон Кагна	
Командировочный роман. Отрывок из романа «Иллюзия... 11 выбора». <i>Окончание. Начало в 1 и 2 номерах журнала за 2009 год.</i>	
Наталья Мери	
Последний летний день.....	18
Я хочу подарить тебе нежность и боль.....	19
Родос. <i>Стихи</i>	19
Галия Мавлютова	
Утраченные иллюзии. <i>Рассказ</i>	20
Владимир Жуков	
Запах корюшки в апреле. <i>Стихи</i>	25
Людмила Яковлева	
Три судьбы. <i>Окончание. Начало в 1 и 2 номерах журнала</i>	26
<i>за 2009 год</i>	
Ирина Глебова	
Осень.....	36
Я никогда не скажу.....	37
Я в чужие смотрю лица... <i>Стихи</i>	37
Павел Долохов	
Археолог из Всехсвят. <i>Отрывок из рассказа</i>	38
Рамиль Сарчин	
У России – осенний характер.....	51
Утреннее.....	52
Куда ни глянешь – не видать ни зги... <i>Стихи</i>	52
Семен Каминский	
Счастливчик. <i>Рассказ</i>	53
Анна Чистякова	
Затаенная, топкая, дикая... <i>Стихи</i>	57
Мария Розенблит	
Короткие гудки. <i>Рассказ</i>	59
Татьяна Туманова	
Не возвращайтесь в прошлое.....	62

Невозможное рандеву. *Стихи*.....63

САТИРА И ЮМОР

Всегдарь Хотеев

Лишность целомудрия.....64

Соломон Кагна *Пародии*70

ДЕТЯМ О И О ДЕТЯХ

Алик Витин

Весна. *Стихи*.....73

Роберт Винонен

Дождь говорит. *Стихи*.....74

Алексей Ланцов

Деревья крылаты, как птицы *Стихи*.....75

Лариса Кларина

Лоза и коза. *Стихи*.....75

Лев Микаэлов

Лесной зверинец. *Рассказ*.....76

Вера Пауданен

Девочка играла в дочки-матери...*Стихи*.....77

Леонид Корниенко

Проповедь. *Рассказ*.....78

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

М.Е. Крошнева, Н.А. Макарова

Труд писателя как проблема.....81

ХРОНИКА

Людмила Яковлева

Русский кружок.....99

INYE BEREGA

1 (10) 2010

Suomen venäjänkielisten kirjailijoiden
L E H T I

Helsinki 2010

Päätoimittaja:

Solomon Kagna
<http://solomonkagna.ucoz.ru/>

Varapäätoimittaja:

Ludmila Jakovleva

Toimituskunta:

L. Kornienko;
M. Kroschneva, lisensiaatti, dosentti;
O. Pussinen, lisensiaatti.

Korrehtuurinlukija

M. Glavatskikh

Aikakauslehti ilmestyy kaksi kertaa vuodessa, keväällä ja syksyllä.

Lehti tilaus e-mail:

inyeberega@gmail.com

Tiedonanto lehdestä:

inyeberega.ucoz.ru

Julkaistavia kirjoituksia otetaan vastaan osoitteessa

inyeberega@gmail.com

Lähde mainittava kirjoituksia lainattaessa.

Lehden kanta ei välttämättä ole sama kuin kirjoittajan kanta.

Lähetettyjä aineistoja ei arvioida.

Julkaisija: Suomen venäjänkielisten kirjailijoiden yhdistys ry.

© INYE BEREGA, 2010

Julkaiseminen tapahtuu Suomen opetusministeriön rahallisella tuella.

Sisältö

RUNOJA JA PROOSAA

Vera Paudanen	
Ennalta.....	9
Elämä kulkee.....	9
Onni ei rakasta käsiäni... <i>Runoja</i>	10
Solomon Kagna	
Työmatkaromaani. Ote romaanista « <i>Vaihtoehdon illuusio</i> ».	11
<i>Viimeinen osa. Alku aikakauslehden numeroissa 1 ja 2 / 2009.</i>	
Natalja Meri	
Viimeinen kesäpäivä.....	18
Tahdon lahjoittaa sinulle hellyyttä ja tuskaa.....	19
Rhodos. <i>Runoja</i>	19
Galija Mavlutova	
Hukatut illuusiot. <i>Kertomus</i>	20
Vladimir Zhukov	
Kuoreen haju huhtikuussa. <i>Runo</i>	25
Ludmila Jakovleva	
Kolme kohtaloa. <i>Kertomuksen loppu. Alku aikakauslehden</i>	26
<i>numeroissa 1 ja 2 / 2009.</i>	
Irina Glebova	
Syksy.....	36
En koskaan sano.....	37
Vieraita kasvoja katson... <i>Runoja</i>	37
Pavel Dolohov	
Vsehsvjatin arkeologi. <i>Ote kertomuksesta</i>	38
Ramil Sartzin	
Venäjän luonne on syksyinen.....	51
Aamuinen.....	52
Vaikka mihin katsot, ei mitään näy... <i>Runoja</i>	52
Semen Kaminsky	
Onnenpoika. <i>Kertomus</i>	53
Anna Tchistjakova	
Kätkeyty, upottava, villi... <i>Runo</i>	57
Marija Rosenblit	
Lyhytet pillit. <i>Kertomus</i>	59
Tatjana Tumanova	
Älä palauta menneisyyteen.....	62
Mahdotonta tapaminen. <i>Runoja</i>	63

SATIIRIA JA HUUMORIA

Vsegdary Hoteev	
Ylenmääräistä siveyttä.....	64
Solomon Kagna	
<i>Parodioita</i>	70

LAPSILLE JA LAPSISTA

Alik Vitin	
Kevät <i>Runo</i>	73
Robert Vinonen	
Sade puhuu <i>Runo</i>	74
Aleksey Lantsov	
Sivekkäät puut <i>Runo</i>	75
Larisa Klarina	
Pajunoksa ja vuohi <i>Runo</i>	75
Lev Mikaelov	
Metsäeläintarha <i>Kertomus</i>	76
Vera Paudanen	
Tyttö leikki nukeilla <i>Runo</i>	77
Leonid Kornienko	
Saarna. <i>Kertomus</i>	78

KRITIIKIÄ JA LEHTIKIRJOITUKSIA

M.E. Kroshneva, N.A. Makarova	
Kirjailijan työ ongelmana.....	81

KRONIKKA

Ludmila Jakovleva	
Venäläinen kerho.....	99

Вера Пауданен

Автор-исполнитель. Родной город – Петрозаводск. Участвовала во многих фестивалях авторской песни еще в 80-е годы! Была лауреатом фестиваля авторской песни им. Сергея Ожигова в г. Костомукша, дипломантом фестиваля авторской песни на Соловецких островах.

Заранее

Жила, как белая ворона.
 Умрет веселою вдовой...
 Не будет песен похоронных,
 Не будет гроба с бахромой.
 Придут печальные цыгане,
 Сосна ей веткою махнет...
 А я прощу ее заранее...
 Кто знает, как она уйдет...

Жизнь идет

Как ни печально – жизнь идет...
 И люди, ставшие родными,
 Скрываются за горизонт,
 И скоро позабудут имя...
 А жаль! Я столько б отдала,
 Чтоб в их сердцах я оставалась
 Комочком света и тепла...
 Но плохо, видимо, старалась...
 Жизнь не вернешь! С закатом дня
 Я вспоминаю ваши лица...

Простите, глупую, меня!
Мне б так хотелось возвратиться
В те времена, где шум и смех,
Надежды, встречи, ссоры, слезы...
Где первый стих и первый грех,
Прощальный взмах последней грезы...
Где счастье лилось с потолка,
Пьяня медовым ароматом...
И обалдевшие слегка,
Мы уходили в жизнь куда-то...

Рук моих не любит счастье...
Глаз моих не помнит радость.
Я пытаюсь попрощаться,
Предугадывая старость.
И хотела стать мудрее,
Спотыкаясь на соблазнах.
Гордо надо мною реют
Все ТАБУ, и я согласна,
Я согласна пустоцветом
Проживать в прекрасном мире...
Лишь бы ты не знал об этом,
Не заметил, как другие...

Соломон Кагна

Окончил Ленинградское высшее инженерное морское училище. Печатался в русскоязычных газетах и журналах Финляндии. В настоящее время живет в Хельсинки.

Командировочный роман

Отрывок из романа «Иллюзия выбора»

Окончание. Начало в 1 и 2 номерах журнала за 2009 год.

Журнальный вариант

В южной Финляндии безработица была меньше, чем в целом по стране, а среди лиц с высшим образованием ещё ниже. Однако это не относилось к иммигрантам, процент безработных среди которых сильно отличался от среднестатистического в сторону увеличения.

После долгих поисков мне наконец посчастливилось попасть на временную работу электрослесарем. Не Бог весть, какая престижная должность для блестящего инженера (по крайней мере, я себя считал таковым), но и за это надо было благодарить Бога.

Кроме одиночества, появились и другие проблемы. С трёхкомнатной квартиры пришлось, разумеется, съехать. Поселили меня в общежитии в комнате на двоих. Мой компаньон особенно мне не докучал, так как он в основном отирался у своей матери, которая жила в однокомнатной квартире.

Однажды в пятницу вечером после работы, когда я лежал в койке и читал какой-то детектив, меня позвали к телефону.

– Здравствуй, Алекс! Как поживаешь? – услышал я в трубке голос Линды

От неожиданности у меня сильно застучало сердце, ведь мы не виделись уже почти шесть месяцев, и я ответил не сразу, после глубокого вздоха:

– Спасибо, прекрасно – и добавил с гордостью: – Я теперь работаю.

– Кем? – удивлённо спросила она.

– Слесарем, – произнёс я с некоторой заминкой и уже без прежнего энтузиазма.

– А-а-а... – протянула она, и в её голосе мне послышалась насмешка.

– А как ты?

– Очень хорошо. Скоро открою салон красоты в центре города. Помещение уже арендовано, осталось только установить оборудование, повесить вывеску и дать рекламу. Надеюсь, дело у меня пойдёт.

– Ну, good luck.

– Что?

Я как-то в тот момент упустил из виду, что Линда по-английски знает только o`kaу.

– Желаю удачи, говорю.

– А, спасибо. Так значит, ты работаешь. А я хотела пригласить тебя на пару дней съездить maalle¹. Ты не мог бы освободиться, скажем, на вторник и среду?

По финскому трудовому законодательству мне за полгода работы полагался недельный отпуск, который можно было взять в любое время полностью или по частям, разумеется, по согласованию с начальством. Я полагал, что возражать никто не будет.

– Пожалуй, смогу.

– O`kaу! Я заеду за тобой во вторник в десять.

– O`kaу, договорились.

– Ну, пока.

– Пока

Я вернулся к себе в комнату, но читать уже не мог. Слишком будоражило меня ожидание встречи с моей законной женой.

Во вторник около десяти я уже стоял на улице с небольшой сумкой через плечо, в которой уместился нехитрый набор вещичек, что могли понадобиться мне в течение двух суток. Через несколько минут недалеко от меня затормозил BMW 316-ой модели. За рулём сидела Линда. Однако её спонсор денег на неё не жалеет! Машина, конечно, не новая, но тем не менее... Интересно, когда она научилась водить? Кажется, в Таллине у неё прав не было, во всяком случае, мне об этом было ничего неизвестно.

– Давно у тебя права? – спросил я, после того, как мы обменялись приветствиями. – Ещё из Эстонии?

– Да нет, зачем они мне были там нужны? Машины у меня не было, да и не предвиделось. Уже здесь получила.

– Давно?

– Скоро месяц как.

Теперь я и сам видел, что недавно. Как и у всех новичков за рулём, у неё явно были заметны напряжённость и неуверенность.

¹ За город (финск.).

– Куда мы едем?

– Есть тут одно неплохое место на Сайменском озере. Тишина, прекрасный парк, уютный отель. Отдохнём, переночуем в отеле, а завтра поедem обратно. Надеюсь, ты не против?

– Нисколько. А где твой спонсор?

– Hän on työmatkalla Oulussa².

Она почему-то вдруг перешла на финский.

Я заметил, что она нервничает и ведёт машину довольно рискованно. При одном из обгонов с выездом на встречную полосу Линда неправильно рассчитала расстояние и скорости, и все три машины, наша, обгоняемая и встречная, оказались на одной линии. Столкновения не произошло только потому, что водитель встречной машины заехал правыми колесами на обочину. После этого я предложил ей пересесть на место пассажира. Она не возражала. На первой же стоянке для отдыха мы поменялись местами.

– Покажи, куда ехать.

Она достала карту.

– Мы сейчас находимся на шестой дороге, примерно здесь, – она ткнула пальцем в карту. По ней мы доедем до Лаппеенранты, а затем свернём на 408-ю. А дальше сворачиваем на эту дорогу, на карте не указан её номер, но, я думаю, на месте разберёмся и по этой дороге едем уже до места. Вот оно, называется Saimaanranta.

– А что, ты раньше тут не была?

– Была, но Юкка привозил меня туда на своей яхте. Видишь, отель расположен на берегу Сайменского озера.

– А какая у него яхта?

– Ну, я в этом не очень хорошо разбираюсь. Довольно большая моторная яхта с двумя каютами.

– А почему он держит свою яхту на Сайменском озере? На море намного интереснее: там больше возможностей, тысячи островов, шхеры, живописная природа...

– Юкка не выносит качки. Его укачивает даже при небольшой волне, а на озере более или менее тихо. Природа и здесь достаточно живописная.

И вот, наконец мы достигли цели нашего путешествия. Маленький отель на берегу огромного озера. Нам предложили небольшой, но уютный номер. Условия обычные: Bed & Breakfast.³ Рядом довольно большой парк. Совершенно пустынный. Мы бродили по этому сказочно прекрасному парку до вечера, но так и не встретили ни души, видимо, сейчас не сезон. Сначала просто шли рядом, потом я взял её за руку, и она слегка прижалась ко мне. Говорили о чём угодно, только не о наших отношениях. Когда начало

² Он в командировке в Оулу (финск.).

³ Ночлег и завтрак (англ.).

смеркаться, снова вышли к берегу. Вода чистая, прозрачная. Вдалеке виднелся причал, у которого стояло несколько яхт. Значит, в отеле всё-таки кто-то есть.

Ужинали на террасе ресторана. Мы заказали бутылку рислинга, салат из креветок и жаркое из говядины с жареной картошкой. Это был настоящий романтический ужин! Уже стемнело, но вечер был довольно тёплым. На безлунном безоблачном небе ярко сияли звёзды. Я заметил в глазах Линды какой-то необычный блеск. Или мне показалось, и это было просто отражение звёздного света?

Было ещё не так поздно, но мы уже пошли к себе в номер. Линда спокойно разделась и легла в постель, как будто бы и не было этих нескольких месяцев разлуки. Но едва соприкоснулись наши обнажённые тела, как я почувствовал, что она прямо-таки вся дрожит от желания. Никогда прежде я не замечал в моей жене такой жажды ласки. Как только Линда почувствовала мою готовность, а для этого много времени не потребовалось, она натянула меня на себя и, упиравшись своими пятками в мои ягодицы, нетерпеливо вобрала в своё лоно всё, что я смог ей для этого предложить. Я чувствовал, как низ её живота движется снизу вверх в такт моим движениям, ощущал, как она упивается моим телом. Всё происходило молча. Линда никогда не стонала. Вот и сейчас только учащённое шумное дыхание нарушало глубокую тишину ночи. Вдруг она сильно напряглась всем телом, стиснула меня руками и ногами, её движения участились, и через какое-то время тело её обмякло.

Одним разом мы, конечно, не ограничились. Перерывы были не очень длинными. Нам не потребовалось ни менять позы, ни использовать какие-нибудь экзотические ласки. Мы почувствовали, что утолили свои желания только после четвёртого раза. Я лёг на спину, немного расслабился и только теперь почувствовал, как устал. Линда повернулась на бок, закинула на меня ногу, чтобы теснее прижаться, и положила голову мне на плечо. И так мы заснули.

Перед тем как заснуть, я ещё успел подумать, что, вероятно, не ладится у Линды в постели что-то с её спонсором, и теперь мы с ней будем встречаться время от времени. И удивился, что меня несколько не шокирует мысль о том, чтобы стать тайным любовником своей законной жены. Как всё-таки обстоятельства могут изменить человека! Ещё недавно такое положение было бы для меня совершенно неприемлемым.

Утром я проснулся довольно поздно. Солнечные лучи мощным потоком пробивались сквозь занавеску, и в комнате было совсем светло. Линда ещё спала. Её волосы разметались по подушке, щёки порозовели. Она лежала на правом боку, спиной ко мне. Под одеялом чётко обозначался характерный изгиб её тела от талии к бёдрам. Я уже хотел тихонько вылезти из постели, пойти умыться и ждать её пробуждения, но тут почувствовал, что перед этим мне бы следовало ещё кое-что сделать. Мне было жаль будить Линду, но тут я подумал, что теперь мы с ней редко видимся, а выспаться она успеет и дома со своим спонсором.

Я прижался к ней и взял в ладошку её грудь, ту, что была сверху. Руки у меня не такие уж маленькие, но в ладошку поместилась едва половина. Я просунул руку подальше, слегка приподнял её и почувствовал в ладони приятную тяжесть. Да, сиськи у моей жены первый сорт! Какое-то время я ласкал её грудь. Линда не просыпалась. Я стал гладить её по животу от грудей к тому месту, покрытому шёрсткой, которое называется, кажется, холмом Венеры. Линда по-прежнему дышала ровно, никаких намёков на пробуждение. Тогда я просунул руку между её бёдрами и слегка потянул её на себя. Она повернулась на спину и, ещё полусонная, с закрытыми глазами, с готовностью раскрылась мне навстречу.

Потом мы завтракали на террасе. От воды тянуло холодом, и было приятно греться в лучах осеннего солнца. Завтрак был превосходный, так называемый шведский стол. Разные холодные закуски: солёная красная рыба, ветчина, салат из креветок. Были и горячие блюда: сосиски, тушёная рыба, жареное мясо, а также овсяная каша, но при таком изобилии других блюд я оставил её без внимания.

Мы уже допивали свой кофе, когда я спросил Линду:

– Когда же мы теперь снова встретимся?

– А мы больше не встретимся.

Вероятно, на моей физиономии выразилось такое изумление, что она поспешила пояснить:

– *Так* больше не встретимся.

– Но... – я открыл рот и ничего не смог больше сказать.

– Ты удивлён, что я себя так повела?

На сей раз, моё удивление было совершенно искренним.

– Видишь ли, Алекс, мы с тобой тогда как-то поспешно расстались. Возможно, это была моя вина. Я очень нервничала и, наверно, слишком поторопилась.

Да уж, сумбура тогда хватало! Я, можно сказать, был в таком трансе, что всё происходящее до меня как-то плохо доходило.

– Мне так хотелось, чтобы всё поскорее кончилось, – продолжала она, – эти неприятные объяснения и мой отъезд. Да, ещё, я, конечно, не думала, что ты начнёшь устраивать разборки, но всё-таки не была вполне в этом уверена. После моего отъезда я сначала вздохнула спокойно, но потом... Прошло какое-то время, и меня стало что-то беспокоить, появилась какая-то неясная тревога... Как будто мне обязательно надо что-то сделать, только я забыла, что именно, и никак не могу вспомнить... Ночью я просыпалась, и мне казалось, что ты стоишь рядом, в спальне около кровати. Я вся извелась. В конце концов я решила, что нам надо встретиться и поставить точку в наших отношениях.

Я молчал. Вот оно что! Значит, мой призрак портил ей кайф, когда она спала со своим спонсором! До чего же женщины любят приукрашивать и романтизировать свои естественные желания и психофизиологические потребности. Причём интереснее всего, что они сами в это искренне верят. Я

нисколько не сомневался, что пройдёт какое-то время, и Линда, вновь почувствовав «какое-то неясное беспокойство», снова позвонит мне, чтобы в очередной раз «поставить точку в наших отношениях». А может быть, она найдёт себе другой объект, с помощью которого будет сохранять своё душевное равновесие. Впрочем, как знать, возможно, она уже прибегала к такому средству. Уж слишком долго она мне не звонила. Почти полгода прошло. Наконец, я прервал паузу:

– Выходит, ты меня просто использовала.

– Можешь думать так, если тебе хочется.

– Уже во второй раз.

– А когда был первый?

– Когда ты вышла за меня замуж, чтобы приехать сюда.

– Ну, уж для этого ты мне был совсем не нужен! Я прекрасно могла это сделать одна, без тебя. Это ты сюда приехал как мой муж.

– Ты, конечно, могла бы приехать и одна, только отношение к тебе было бы совсем другое.

Линда замялась, щёки у неё порозовели. Она отлично поняла, что я имею в виду так называемую трансграничную проституцию с постсоветского пространства, в том числе из России и Эстонии, из-за чего к одиноким молодым женщинам, приезжавшим оттуда, отношение могло быть предвзятым.

– А так приехала замужняя женщина, уважаемая *rouva*⁴, – продолжал я, – которая получила трёхкомнатную квартиру и стала не спеша подыскивать себе спонсора.

Кажется, я всё-таки вывел Линду из равновесия. Глаза её засверкали, и она повысила голос:

– Ну, уж не тебе меня этим попрекать! Если бы ты в своё время женился на мне, то сейчас мне не нужно было бы никакого спонсора!

– Но я же женился на тебе!

– Женился, конечно, но только по необходимости, чтобы в Финляндию приехать! А до этого пять лет я была для тебя просто игрушкой! Ты приезжал ко мне, когда хотел. А после твоего отъезда я понятия не имела, когда ты снова приедешь, и приедешь ли когда-нибудь вообще! Может, ты думаешь, что всё это мне было очень приятно, и я своим положением была довольна?!

Вот тебе раз! А я-то думал, что её вполне устраивали наши романтические отношения. Разумеется, я много раз думал, не жениться ли мне на ней. Но каждый раз меня одолевали сомнения, смогу ли я удержать привязанность этой красивой и привлекательной женщины, да ещё при наличии такой большой разницы в возрасте. Кроме того, в памяти моей постоянно всплывал анекдот времён карточной системы:

⁴ Госпожа (финск.).

Что такое женитьба?

Это когда один прикрепляется, а все отовариваются.

Неужели Руслан был прав, когда называл меня пуганой вороной? И ещё, я был далеко не уверен, согласится ли она выйти за меня замуж. Романтические отношения, которые, собственно говоря, ни к чему не обязывают, это одно, а замужество – совсем другое дело.

– Ты хочешь сказать, что вышла бы за меня замуж, несмотря на такую разницу в возрасте?

– Не знаю. Если бы ты предложил, я бы подумала. Но ты не предлагал.

– Но я бы ни за что не поехал тогда в Таллин, а ты вряд ли согласилась бы переехать в Ленинград. Ведь у тебя в Таллине была хорошая работа, клиентура, друзья и вообще... Или ты хотела выйти замуж и жить врозь, как принято сейчас говорить, в гостевом браке?

– Всё это можно было бы решить, обо всём договориться. Было бы желание. Но что толку обсуждать это сейчас?

Я промолчал. Очень уж складно она расставила всё по местам. Но, думаю, если бы я женился на ней тогда, пять лет назад, вряд ли это что-нибудь изменило. Слишком уж Линда была практична. Это сейчас она придумывает себе оправдания и, может быть, даже сама в это верит.

– Пора ехать, Алекс, – вернул меня к реальности голос Линды. – Мне не хочется возвращаться в Хельсинки слишком поздно.

Мы подошли к машине.

– Я сама сяду за руль. Можешь быть спокоен, лихачить больше не буду.

Я ей сразу поверил. Передо мной стояла спокойная, уверенная в себе женщина. Как она переменилась со вчерашнего дня! Ничего похожего на нервозность, склонность к импульсивным действиям. Пусть она ведёт машину. А вот мне, пожалуй, сейчас будет лучше занять место пассажира.

Линда притормозила у входа в общагу.

– Всего хорошего, Алекс. Спасибо, всё было чудесно.

– И тебе спасибо. Всего хорошего.

BMW рванул с места и вскоре затерялся в потоке машин. Но я ещё долго стоял и смотрел вслед той, что была причиной моего появления здесь и, в то же время, единственной реальной ниточкой, связывающей меня с прошлым.

Интересно, мой сосед ушёл к своей матери или торчит в нашей комнате? Мне бы хотелось побыть одному, успокоиться, привести в порядок свои мысли и чувства, а также, если удастся, и выспаться.

Завтра утром снова на работу к семи тридцати.

Наталья Мери

Живет в Хельсинки с 1992 года. Член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии с 2000 года. Автор поэтического сборника «Я – везде, я – нигде». Публикации: альманах «Иные берега», Хельсинки; «...На каменистых финских берегах», Тампере; подписное издание «Личность и культура», Санкт-Петербург; статьи об истории и значении православных икон, опубликованные в газетах «Kamppi», «Kirkko ja kaurunki» на финском языке.

Последний летний день
Наполнен соком света,
и нежен запах трав,
и сладок, как кагор.
Ты где-то вдалеке,
и холодны рассветы,
и не согреет рук
багряных древ костёр.
Рысцою, налегке
Проходят годы мимо,
и уж не разберёшь,
что в шутку, что всерьёз.
Ты где-то вдалеке,
и помнишься любимым,
то грустным, то смешным,
то любящим до слёз.

Я хочу подарить тебе нежность и боль
Наполнения сердца до края...
Отложи нераскрытую книгу, позволь
рассмотреть, как искринки играют
в этих карих глазах, что улыбки намёк
и серьёзность таят. И желаю –
в этот тёмный поток, в этот заданный рок,
и – нестись, направленья не зная...

Родос

В честь богодочери названный,
Древностью пахнувший Родос,
здесь, на пути к старой гавани
высился мощный Колоссус.⁵
Эти развалины крепости
Помнят о канувшей славе.
Гордость храня, в неизвестности,
Служат лишь мирной забаве...

⁵ Колосс Родосский.

Галия Мавлютова

Подполковник милиции в отставке, член Союза Российских писателей, член Литфонда России. Автор более пятнадцати книг, изданных в период между 2000 и 2006 годами.

Утраченные иллюзии

В годы застоя я работала детским инспектором в одном из районов Ленинграда. Повидала я в то время много всякого горя, пролила немало слез, видя бесчисленное количество обездоленных и беззащитных детей. Мне казалось, что я спасаю детей от многих бед: от родителей-пьяниц, от голода, от нищеты и одиночества, от вселенского непонимания, в конце концов. Изю всех сил я боролась за право детей на нормальную человеческую жизнь. Это была основная идея, которая помогала мне работать и ощущать себя полезным человеком в обществе. Дети, в свою очередь, чувствовали мою искренность и доверяли мне свои беды и горести. И вдруг самая гуманная идея на планете треснула пополам, а трещина перевернула все мое мировоззрение.

Однажды на прием в детскую комнату пришла милая опрятная старушка с семилетней внучкой. Бабушка долго сморкалась в скомканый платочек, прятала глаза и нерешительно мычала что-то нечленораздельное. Внучка сидела рядом с бабушкой и смотрела на меня честными голубыми глазами невинного ангела.

– Бабушка, – не выдержала я, – ну, говорите, что у вас стряслось? Говорите прямо, как на духу. Мне можно рассказывать все - даже самое сокровенное. Только честно!

– Голубушка, – старушка перестала стесняться и приступила к рассказу, но тут же сбилась и показала на внучку, мол, все дело в ней.

– Дочка, расскажи мне, что с тобой случилось? – обратилась я к девочке.

И девочка в красках рассказала мне, как ее систематически и сладострастно насилует по ночам отчим – «лицо кавказской национальности». И все бы ничего, но девочка сообщила мне такие подробности, что я округлила глаза до самых невероятных размеров, и, схватив старушку вместе с девочкой, помчалась к начальнику отделения. Начальником отделения в то время был человек суровый, повидавший на своем милицейском веку много человеческой грязи и потому относившийся к жизни весьма философски. Но когда я появилась перед ним вместе с бабушкой и девочкой, путаясь в словах, попыталась пересказать историю семилетней девочки, суровый начальник побледнел и рявкнул:

– Срочно в судебно-медицинскую экспертизу! Срочно! Бери машину и мчись на Седова. А я пока вызову следователя прокуратуры. В машине возьмешь у девочки объяснение.

– В машине не получится, – робко заметила я, – тут вон сколько писать надо. Целая поэма получится.

– Пиши здесь, машина будет ждать. Потом бегом на экспертизу. А я на квартиру оперов пошлю, пусть в засаде посидят, чтобы отчим никуда не смылся.

Я переписала цветистый рассказ девочки аккуратным почерком, стараясь не перепутать подробности насилия и систематического сожительства. Я подробно описывала интимные подробности половых актов, ужасаясь про себя, как это могло случиться. Все дело в том, что в то время мне было тридцать лет, но подобных сексуальных откровений я ни от кого не слышала и нигде о них не читала, в кино не видела и даже не предполагала, что такое бывает на этом свете. Бабушка стыдливо отворачивалась и все просилась выйти на улицу, но брать объяснение от ребенка возможно было только в присутствии родителей или опекунов. Пришлось прикрикнуть на старушку, чтобы она не мешала процессу справедливого расследования. Чувство негодования за надругательство над девочкой переполняло меня. А девочка вошла в раж, глаза заблестели, щеки разругались, она как бы заново переживала ужасы страшного насилия. Исписав пять страниц мелким почерком с обеих сторон, я усадила ребенка и бабушку в дежурный «Уазик», стоявший у входа на всех парах, и мы помчались на улицу Седова. Я заставила водителя включить «мигалку». Встречные машины послушно уступали нам дорогу. Просто триллер советского режима.

Стремительно влетев в кабинет дежурного врача-гинеколога, я довольно эмоционально посвятила его в подробности происшедшего. Врач-эксперт, сорокалетний мужчина, немногословный и сдержанный, взглянув на страницы объяснения, пробежался по ним глазами и нахмурился. Еле сдерживаемое негодование выразилось во всем его облике.

– Наверное, у него дети есть, дочери, – подумала я, – только отец, любящий своих родных дочек может искренне отнестись к беде, случившейся

с чужой девочкой. Да и кто может спокойно относиться к такому безобразию, как физическое надругательство над ребенком?

Доктор начал осмотр. Я отвернулась, стараясь абстрагироваться от ситуации. Не люблю всякие процедуры и манипуляции, особенно, если в моем присутствии осматривают маленькую девочку. Сердце у меня чрезмерно чувствительное.

– Подойдите, пожалуйста, – голос доктора показался мне подозрительным, лишенным всякого сострадания.

– Зачем? – я брезгливо передернулась. – Я ничего не понимаю в этом.

И обвела рукой пространство, охватывающим угол кабинета вкупе с «курульным»⁶ креслом.

– Подойдите и посмотрите! – сказал доктор. Слова прозвучали, как приказ.

Пришлось подчиниться. Я подошла, брезгливо сжимаясь в маленький комочек. Не люблю подобные зрелища.

– Вот, посмотрите, пожалуйста, – в голосе доктора звучало больше иронии, нежели сострадания. – У девочки все в полной сохранности. Физиологически она сохранна.

– Не может быть! – я потрясла перед его носом пятью страницами, исписанными мелким и аккуратным почерком.

– Я, пожалуй, приглашу коллег. Мы осмотрим девочку комиссионно.

Он куда-то вышел и вернулся с тремя коллегами в белых халатах. Мужчина и две женщины. Все люди серьезные, годами составлявшие и подписывавшие серьезные экспертные заключения, осмотревшие на своем веку не одну жертву сексуального преступления, а десятки, сотни, тысячи жертв...

Я снова отвернулась к окну, во мне уже сидело чувство, что меня крепко обманули. Обвели, так сказать, вокруг пальца. Меня, тридцатилетнюю женщину, милиционера с пятилетним стажем ввела в заблуждение маленькая семилетняя девочка!

Я вспомнила, что в засаде сидят опера, а на дворе июльское пекло, и решила действовать решительно:

– Вы подтверждаете заключение доктора? – приступила я к опросу членов комиссии.

– Да, – вздохнули они и стали объясняться со мной исключительно на языке медицинских терминов.

– Да я ничего не понимаю, что вы мне говорите, – взмолилась я, – можете объяснить по-человечески?

– Девственная плева не нарушена, слизистая не повреждена, с девочкой никто и никогда не совершал половой акт.

⁶ Почетное седалище для высокопоставленных должностных лиц в Древнем Риме.

– Никогда?

– Никогда!

– Но откуда взялось вот это? – я потрясла бумагами. Один листок упал на пол, члены комиссии бросились мне на помощь. – Неужели, вы не понимаете, что она наговорила на тяжкий состав для своего отчима. По этому составу преступления приговаривают к расстрелу!

При слове «расстрел» члены комиссии вручили мне листок, поднятый с пола, и удалились восвояси, видимо, от греха подальше, а мягкосердечный доктор долго объяснял мне, почему возникли галлюцинации у девочки.

– Не могла же она выдумать такие подробности! – воскликнула я. – Вот послушайте, что она говорит – «он смазывал мое влагалище вазелином, при этом вводя указательный палец в задний проход...». Такого даже зрелая женщина не придумает! Разумеется, если она находится в здравом уме, эта самая зрелая женщина...

– Вполне возможно, что девочка наблюдала половой акт у взрослых. Так как она очень грязная, ее не мыли уже недели две, а может и больше, на почве грязи и зуда у нее и возникли галлюцинации. Вполне определенные и обстоятельные.

– Но это невозможно, – прошептала я, – меня до сих пор никто не смог обмануть: ни подростки, ни «воры», ни прочая шушера. Меня вообще никто и никогда не обманывал, по крайней мере, за прошедшие пять лет! Я же ей поверила. Вот послушайте, – я опять поднесла страницы объяснения к очкам доктора, – «он ввел мне половой член в задний проход, потом плавно переместился во влагалище...». Семилетняя девочка не может такое сочинить по определению!

– Как видите, может, легко, – вздохнул доктор, – в медицине это явление называется – ранняя гиперсексуальность. А все от скотской жизни. Спят, наверное, в одной комнате все вповалку, неделями не моются, вот и результат. Не расстраивайтесь, может, вам валидольчику? Вы что-то совсем бледненькая, – спохватился доктор.

– Да какое там, – отмахнулась я, – оперативники сидят в засаде, «пасут» на лестнице отчима, уже вызвали следователя прокуратуры, от меня ждут заключение экспертизы. А вы мне – «валидольчику»...

– Как знаете, – засмеялся доктор.

Он уже занимался своими докторскими делами и ко мне, к «моей» девочке и даже к пяти листам очень «важного документа», утратил всякий интерес. Да и рабочий день был на исходе.

В «Уазике» я молчала. Я вновь старалась обрести веру в человечество. Хотелось заново поверить в то, что любая маленькая девочка, прежде всего, невинный и беззащитный ребенок, ну, и, вообще, это Золушка, Русалочка, Машенька и другие сказочные создания, но сидящая в «Уазике» девочка вызывала во мне лишь брезгливую обиду и отвращение. Так и не справившись

с нехорошими чувствами, я спросила бабушку: «Вы вместе с дочерью живете?».

– Нет, голубушка, отдельно живу, – старушка не поднимала глаз от стыда.

– Дочь давно замужем за этим...? – я покрутила головой, изображая нечто.

– Да недавно, с год только. У нее еще трое детей.

– И все в одной комнате живут? – а ведь доктор оказался прав.

– В одной, в одной, – подтвердила с тяжелым вздохом старушка.

– А почему детей не моете?

– Не знаю, – сама старушка выглядела довольно опрятной ленинградской бабушкой, чистенькой и аккуратненькой.

– Вы же слышали, что сказал доктор? – строго спросила я.

– Слышала голубушка, слышала, – покивала головой старушка, стараясь не встречаться со мной взглядом.

– Девочка сама вам рассказала?

– Да она мне уже давно рассказывает. Я все думала с дочкой поговорить, выяснить, а потом подумала, что надо сразу в милицию пойти, – сокрушалась старушка, – уж больно внучка-то правдиво все рассказывает!

– Да куда уж правдивей, черт! – чертыхнулась я.

Доложив начальнику отделения результаты осмотра, показав ему заключение, я жалобно взглянула ему в глаза. Хотелось пощады. Начальник смачно выматерился и пошел объясняться со следователем прокуратуры – капризной и надменной женщиной. Достанется начальнику от нее...

– Улещивать пошел, – вздохнула я, – но у него не получится, в городе жара. Всем тяжело.

И я отправилась собирать документы и справки на лишение родительских прав нерадивой мамы, занимающейся ненасытной и бурной любовью с «лицом кавказской национальности» в присутствии малолетних детей.

До сих пор не знаю, что случилось с невинной семилетней фантазеркой. Спустя неделю я отправилась служить в уголовный розыск. Вера в человечество ко мне так и не вернулась. Всегда жаль расставаться с идеалами. Позже мне пришлось послужить в «полиции нравов». По долгу службы приходилось прочитывать определенное количество порнографической литературы, чтобы научиться отличать порнографию от эротики для служебных целей (для привлечения к уголовной ответственности за распространение порнографии). И никогда в порнотекстах я не встречала столь подробных и смачных описаний разврата, столь изумивших меня, так как исходили они из уст младенца.

Сейчас этой девочке уже к тридцати!

Санкт-Петербург, Россия

16 апреля 2002 г

Владимир Жуков

Я родился в Петербурге (Ленинграде) в 1949 году и за поэзией стал волочиться с юности.

Скоро Пасху, день Победы
Будем праздновать и чтить!
А сегодня вот к обеду
Надо корюшки купить.

И стоит народ дотошно
У киосков близ метро,
Где реально взвесить можно
Наше рыбье серебро.

А когда неспешно к водке
Вдруг родится тост большой,
На журчащей сковородке
Рыбка станет золотой.

Запах корюшки в апреле –
Праздник питерской весны.
Первомайской канителью
Все дела освящены.

Апрель 2005 г.

Людмила Яковлева

Я всю жизнь прожила в Ленинграде. Врач, кандидат медицинских наук. Работала научным сотрудником в одном из ведущих научных медицинских учреждений, писала научные статьи и книги, которых набралось более сотни. В 1991 с семьей переехала в Хельсинки. Печаталась в альманахе «Иные берега» и малотиражной газете «YHDESSÄ». В 2008 году в свет вышла книга «Человек, утративший надежду. Биография поэта Вадима Гарднера, рассказанная им самим», в 2009 году – «Записки дамы элегантного возраста».

Три судьбы

Окончание. Начало в 1 и 2 номерах журнала за 2009 год.

Нина Осиповна Артамонова продолжает:

Нас почему-то вернули из Якутска на Чуранбад, это 400 км вверх по Лене. Поселили всех в один барак. В бараке нары в два ряда, а посередине стол. Мы так и спали на этих нарах вповалку. Это было зимовье. Не было ничего, ни работы, ни питания, живите, как хотите. Позднее стали давать хлеб, но все равно мы голодали. Пока не наступила зима, ходили в лес, собирала грибы, ягоды. В лесу было очень много грибов. Грибы и жарили, и сушили. Потом узнали, что там было овощехранилище, открыли это овощехранилище. Ели овощи. Через некоторое время всех стали распределять по пять-семь человек по семьям колхозников. Нас, например, поместили где-то на берегу реки в одном из бывших там двух домов. Дом был хороший. Здесь все дома были пустые. В некоторых даже была оставленная хозяевами мебель и утварь.

Якуты ведут кочевой образ жизни. Летом они все на заимках – со стадом ходят, а зимой возвращаются. К весне, когда хозяйка дома вернулась, нас переселили в другое место. Денег у нас не было, но хлеб все-таки давали. И тут брат мой Вилли вспомнил, что видел, как женщины пряли веретеном шерсть. А вспомнил он это потому, что в той местности было очень много

зайцев. Охотники ставили на них капканы и забывали про них. Мы даже не знали, чьи эти капканы. Тогда брат наловчился доставать из них зайцев, а потом снова ставить. Он сделал нам веретено, а мы выщипывали пух из заячьих шкурок. Наша мама раньше пряла только прялкой. Но тут приспособились, и начали прядь заячий пух. Больше того, когда местные жители узнали об этом, то стали приносить нам свои шкурки и просили связать кто детскую шапочку, кто варежки.

В четырех километрах от нас была деревня Синст, куда мы обычно ходили за хлебом. Зимой в тех краях мороз к шестидесяти градусам, а мы приехали из Ленинграда, и подходящей одежды у нас не было. Идти по такому морозу в плохой одежде было не очень-то приятно, но приходилось. Ко мне очень хорошо относилась одна из жительниц этой деревни. Скорее всего, ей было жалко меня – ведь тогда мне было девять лет. Так вот она все время посылала мне с кем-нибудь гостинцы.

Потом кто-то узнал, что неподалеку был ток. Когда наступила весна, мама ходила туда и венником сметала зерно, и мы ели его. Кроме того, в лесу росла толокнянка, та, из которой делают настойку медвежьих ушек. Ягода толокнянки имеет форму брусники, а если ее раздавить, то внутри что-то, похожее на муку. И еще зернышки. Мы собирали эти ягоды, мама размачивала их, размалывала и делала лепешки. Вот так мы до весны и дожили.

А в апреле месяце нас всех собрали, посадили на телеги и опять куда-то повезли. Довезут до следующей деревни, лошадей меняют, и снова в путь, как будто на перекладных. И довели нас, таким образом, до колхоза «Молотов». Там жили раскулаченные и сосланные украинцы. Одна женщина увидела нас, всплеснула руками и воскликнула: «Ой, да к они ж с детьми!» Видно вспомнила, как они сами были привезены в эти края. Эти люди позвали нас с братом к себе домой, помыли и переодели в свои вещи. Мы ночевали у них одну ночь. Потом нас опять посадили на телеги и увезли. И вот таким путем добрались мы до известкового завода в Еланске. Всю дорогу, все 400 километров, мы с братом ехали, сидя на телеге, а мамы наши шли берегом пешком. Я была еще маленькая, а брат был болезненный и такой худущий, что все его жалели. Когда мы приехали, на реке еще стоял лед. У самой деревни лед под нашей телегой провалился, мы чуть не утонули.

Мама устроилась на работу на известковом заводе. И случилось же так, что через два дня на нее упал камень и раздробил ей левую руку. Рука у нее осталась изуродованной. Так мама стала инвалидом. А больничных листов ведь не было, никто ни за что не платил. Мне тогда уже исполнилось десять лет, и, чтобы прожить и прокормиться, я стала вязать. Чулочки, носочки. Я же видела, как раньше это делала мама!

Брат также пошел на работу. Но он был очень больной, и ему запретили работать вообще. А врачей-то не было! У него было какое-то нервное заболевание – в лунные ночи он не мог спать и всю ночь бродил. Когда мама его рожала, у нее были осложненные роды – ей накладывали щипцы, и

ущемили младенцу какой-то нерв. А потом случилось еще одно несчастье – в лесу он встретил волка и так сильно испугался, что его парализовало.

В Еланске мы прожили три месяца, а потом нас поместили в большие-пребольшие лодки, их называли здесь карбасами, и пять повезли незнамо куда. Куда не знаем, плывем по течению и плывем. И вот тогда нас привезли уже на другой известковый завод, в Блистянске. Брата сразу положили в районную больницу. Там он пробыл три дня, а потом, когда мы пришли его навестить, сказали, что его уже нет в живых. Больные потом рассказывали, что вечером он был веселым, читал свои стихи. Позднее пришли врачи, сделали ему укол, и через час его не стало. Врачи же говорят, что брату стало плохо, они сделали ему укол, но ничего не помогло, и он умер. Вилли был очень умным и талантливым, поэтому он, вероятно, и был таким нервным. Он написал на финском языке поэму. Вот только куда мама ее дела, я не знаю. Она долго у нас хранилась, но мне кажется, что на известковом заводе мы ее и потеряли. Это была такая поэма, что читать нельзя – страшно. Все про нашу жизнь, и все в стихах. На известковом мы прожили семь лет.

Я в первом классе не училась ни одного дня. Все это время пришлось на высылку. Во второй класс я пошла, когда нас привезли уже на известковый завод. Это было в октябре месяце. А когда брат умер, то мама сильно заболела и лежала в той же больнице с ноября до марта. Маму забрали в больницу без памяти, а я осталась на заводе. Не знаю, кто меня кормил, и кто за мною смотрел. Вроде бы остались какие-то деньги, мне мама потом рассказывала, я сама ничего не помню. Какой-то провал в памяти у меня. Помню только, что на эти деньги я выкупила масло. И это масло я берегла, думая, что мама придет, ей надо, она больная. Соседи мне говорили: «Ешь, ведь ты же голодная». Но я не ела, я оставила все для мамы. Я только лизну немного языком сверху и опять закрою баночку. Потом мама рассказывала, будто директор завода узнал, что я одна, без мамы, и позвал меня к себе. Он спросил: «А что ты ешь?» А я ответила, что вчера я ничего не ела «А сегодня?» – «И сегодня ничего». При заводе была столовая, там рабочих кормили. Директор прикрепил меня к этой столовой, и раз в день мне давали еду – вроде бы мамин паек.

Но масло я все-таки доберегла до маминого возвращения – больше двух месяцев оно лежало. И мама не знала, где я, и я не знала, жива ли она. Больница была в двадцати километрах, а зимой там – пятьдесят градусов мороза. Но продуктовую карточку ей передавали в больницу, значит, думала я, она жива. Потом мама рассказывала, что два дня она сидела голодная – карточку вовремя не доставили. Ей была определена вторая группа инвалидности. Не из-за травмы руки, у нее была болезнь женских органов. Но все равно никто за инвалидность там не платил. Потом, когда она вернулась, то стала работать ночным сторожем. Эта должность не считалась рабочей, и она получала половину карточки между иждивенцем и рабочим. А потом у нас открылся цех по вязанию шерстяных изделий. Откуда-то стали привозить

шерсть, и мы вязали рукавицы, свитера, в общем, всех одели. Мама была бригадиром и меня устроила на работу. И так я до обеда работала, а после обеда – в школу. А когда у меня была в школе утренняя смена, то я работала вечером. Мы и пряли сами, и вязали. Вот тут мы ожили. Якуты узнали о том, что мы вяжем, и к нам посыпались заказы. Мы жили в одной комнате с двумя сестрами. Так вот, у нас была такая организация труда – Люся пряла, а мама вязала, а то, что Лиля пряла, вязала я. Если спрясть килограмм шерсти, то за это давали пуд муки, и за один связанный платок также давали пуд муки. Тут мы и зажили. Пуд муки худо-бедно за месяц работы – это совсем не плохо. Потом нам стали давать огороды, мы сажали картошку, морковь. Лето там короткое, но жаркое, все успевало созреть. Раньше местные жители ничего не сажали, а потом посмотрели на нас и тоже начали сажать картошку. Была еще немецкая семья из Кронштадской колонии. Муж был очень хороший огородник. Он организовал огородные работы, даже компост из навоза делал. Все это нас хорошо поддержало, мы начали вставать на ноги.

Приблизительно в 1947 году в ООН Молотов очень много говорил о том, что в США негры подвергаются дискриминации. В ответ на это ему задали вопрос о том, кто живет в Якутии. Молотов ответил, что там нет никого. И предложил создать комиссию для того, чтобы ознакомиться с положением проживающих там людей. А мы, после высылки всей нашей деревни в Сибирь, жили в небольшом финском домике. Среди поселенцев преобладали женщины, и все они работали в основном на известковом заводе. Мама, как я уже говорила, была инвалидом второй группы и работала дворником. Когда расселяли всех высланных по местам проживания, то выяснилось, что мы с мамой приехали позднее наших соседей, а потому места на кровати нам не хватило. На кровати спали три женщины, которые приехали раньше. А нам пришлось спать под их кроватью.

Затем построили еще один дом. В новом доме стал жить директор со своей семьей. А нас поместили в его прежнюю трехкомнатную квартиру. В этой квартире в комнате около 18 квадратных метров жили мы с мамой и еще пять наших родственниц. В проходной комнате были муж с женой – немцы из Кронштадской немецкой колонии и три финских женщины. В следующей маленькой комнате площадью в восемь метров жили муж с женой и двумя детьми, а на кухне в четыре метра – еще одна семья. Но, однако, получилось так, что в этой квартире собрались все любители цветов. Правда, зимой было очень холодно, и окна наполовину покрывались льдом. В такое время мы прятали цветы в угол. Но все равно у нас было очень красиво, красивее, чем во всех других поселениях. По этой причине комиссию сотрудников ООН привели к нам. Комиссия состояла из одного мужчины, который говорил по-русски. Спрашивал, откуда мы, чем занимаемся. Он оказался священнослужителем из Канады. Была уже весна, и цветы стояли на окошке. Мужчина сказал, что мы живем в таких плохих условиях, и, тем не менее, у нас такие роскошные цветы. На что мы ответили, что это – единственная

радость жизни, которая у нас осталась. И это все, больше мы с ним ни о чем не говорили.

Основная же комиссия посетила нас через несколько дней. Перед ее приходом маме выдали чистые рукавицы. В комиссии были только мужчины, и, как нам потом сказали, все они американцы. И опять их привели к нам, смотреть на наши цветы. Если первый посетитель ходил везде один, то эту комиссию сопровождало все начальство. Никаких, ни положительных, ни отрицательных, результатов этого визита мы не ощутили, но после ухода комиссии чистые рукавицы у мамы сразу же отобрали.

В те времена всю одежду выдавали только рабочим и только по талонам. А я ведь была иждивенка и не имела право на эти талоны. Поэтому, когда я закончила пять классов, одежды у меня совсем не было. Ни обувь, ни надеть. Один год я прожила в интернате, там одежду выдавали. Потом посчитали, что я одна дочь у матери, а потому она сможет содержать меня сама, и исключили из интерната. Тогда я решила поступить в школу рабочей молодежи, стала и работать, и посещать вечернюю школу. Я уже говорила, что в первом классе я совсем не училась, во втором – всего полгода, в третьем классе я уже заслужила похвальный лист, а четвертый я закончила с отличием. У меня с математикой все было хорошо.

Тогда муж моей двоюродной сестры и сказал: «Я Нину возьму к себе в бухгалтерию ученицей». Но ставки ученицы не было, меня оформили кассиром. И вот мне надо ехать в банк, а у меня и паспорта нет. Мне еще не исполнилось шестнадцати. Он сам ездил за зарплатой, а я ее раздавала. Вот так и начала я работать. Мне в моей жизни много хороших людей попадалось. Местные якуты к нам очень доброжелательно относились. Были, конечно, и придурки, но основная масса относилась к нам хорошо, они жалели нас. Если пришел в дом к якуту, то сразу садись за стол, не побрезгуй. Если что-то и заметил, не брезгуй, садись по-свойски. А если брезгуешь, то все, ты больше не друг.

Моя двоюродная сестра, муж-то у нее был якут, была небольшого роста, но очень красивая. После того, как она переболела тифом, у нее выросли чрезвычайно красивые волосы. Один очень пожилой якут носил ей и молоко, и яйца, чтобы она поправлялась после болезни. А меня привечала другая якутка. Она все просила у мамы разрешения отвести меня к своим сородичам, чтобы показать, какие беленькие девочки бывают. А жили они за десять километров от нас. Мама отвечала: «Куда ж ты ее потащишь?». А якутка, чуть не плача, просила дать меня ей. У меня глаза были, как две голубые пуговицы, а щеки, несмотря на блокаду, красные, как яблоки. Мама рассказывала, что на меня блокада не очень сильно подействовала, выглядела я неплохо. Еще по пути в Сибирь наш эшелон встретился с эшелонем, в котором ехали Урхо, его брат Суло и их мама Хильма. Суло спросил у меня: «Ты бегаешь? А я вот и ходить уже не могу».

Мама нас не баловала. Когда она пекла лепешки, то я всегда их считала и говорила, что вот, Вилли дают на одну лепешку больше. Тогда мама стала делать их разного размера. Я и тут сообразила и говорю: «Вот, эти лепешки побольше для Вилли». Он ведь был старше меня, а мне всегда хотелось есть.

Среди высланных был молодой парень по имени Леня, 1926 года рождения, друг моего брата Вилли. Родом он был из деревни под Петергофом. Летом Леня не выдержал всего этого, ушел в тайгу и не вернулся, повесился. Позднее нашли его тело и похоронили. Последний комендант в нашей колонии был очень хорошим человеком. Звали его Федор Федорович, фамилию я, к сожалению, забыла.

В 1949 году я уже переехала в Покровское. А произошло это следующим образом. Однажды комендант наш Федор Федорович приходит к маме и говорит: "Андреевна, мне так Нину жалко! Ну, что она живет здесь в тайге, в глуши. Давайте я устрою в Районный центр, в Покровское!" Федор Федорович поехал в Покровское и устроил меня кассиром в леспромхоз. А потом он помог и маме перебраться туда же. Без его разрешения и содействия мы не могли никуда уезжать, мы должны были раз в месяц ходить к коменданту и отмечаться. Но к последнему коменданту мы уже не ходили. Просто он приезжал к директору, спрашивал: "Все на месте, никто не сбежал?" – "Нет!" И все. А вот прежний комендант по фамилии Суярко заставлял матерей приводить с собой всех детей. И матери в любую погоду тащили за руку с собой своих малышек. Однако матерям он не верил и у каждого ребенка для верности еще спрашивал: "Это, действительно, твоя мама?"

Покровское было в двадцати двух километрах от нашей прежней деревни. Еще когда я жила в Покровском одна, без мамы, случилось, что Федор Федорович заходил к ней и говорил: "Ну, что, Андреевна, завтра я поеду в Покровское. Поедете со мной к Нине?" Как-то, когда они ехали мимо того места, где нашли мертвого Леню, Федор Федорович остановил лошадь и сказал: "Леня, Леня! Что ж ты наделал! Что же ты не дождался своей свободы!" Леню похоронили 22 июня, а нас освободили в октябре 1949 года. Федор Федорович, видно, знал, что скоро нам выйдут облегчения. Но, тем не менее, в паспорте у нас была отметка, 58 статья, а это означало, что нам запрещено проживание в городах, где расположена оборонная промышленность, высшие учебные заведения и научно-исследовательские институты. Мы не могли селиться ни в областных центрах, ни в столицах республик, ни в Москве, ни в Ленинграде. И тогда мы с мамой решили поехать в Калинин, где уже устроилась мамина подруга.

У брата маминой подруги судьба сложилась совершенно иначе. Во время войны он семьей был вывезен через Эстонию в Финляндию, где они прожили всю войну. Он был коммунист и очень много рассуждал о том, что вот, дескать, он должен работать батраком на "кулака". Его классовая гордость была возмущена, и он хотел вернуться в СССР. Несмотря на то, что жена его была очень религиозна, она с двумя детьми также вернулась в СССР, вслед за

мужем. Финский хозяин за работу дал им лошадь, корову, телегу загрузили вещами. На границе пограничники проверили их имущество, а потом предложили отойти от всего подальше, дали в руки чемодан и посадили в телячий вагон.

Однако уехать нам из Покровского оказалось не так просто. Дело в том, что директор леспромхоза, где я работала кассиром, был ловелас. Нет, ко мне он не приставал, но в Якутске, который был в восьмидесяти километрах от нашего села, у него была любовница. Он оставлял жену и уезжал, случалось, на несколько месяцев в Якутск, который для нас был столицей. А столичная жизнь требует больших расходов. Поэтому он периодически присылал мне телеграммы с распоряжением выслать ему тысячу или две тысячи рублей. Так как он был моим начальником, я не могла возражать и высылала ему требуемые суммы.

Когда он возвращался, то составлял подложные отчеты, а потом и совсем запутался. Я не знаю, о какой сумме идет речь, но он решил ликвидировать все ордера и всю растрату повесить на меня. Тем более что я по молодости лет была неопытной и не сохранила все те телеграммы, на основании которых я высылала ему деньги. Обычно я показывала телеграммы бухгалтеру, спрашивала, что мне делать, а тот мне говорил: "Высылай!" Я и высылала. В это время мама работала в этой конторе уборщицей. Она видела, что директор роется в бумагах и что-то выбирает, и уничтожает, но она не знала, что, и не понимала, о чем идет речь. Тогдашний бухгалтер очень хорошо относился ко мне. Сам он сидел за экономические преступления, но человеком он был добрым. Он сказал директору: "Нет, Петр Николаевич, Нину ты посадишь только через мой труп!" Потом он пришел к маме и посоветовал: "Андреевна, уезжайте быстрее, как можете! Увозите Нину, как можно скорее! Наш директор и сам сядет, и Нину посадит!"

Вся эта история все-таки кончилась для директора плохо. Прежним бухгалтером на этом заводе был мой зять, муж моей двоюродной сестры. Он собрал все бухгалтерские документы, касающиеся деятельности директора, сумел доказать, что тот нарушал финансовую дисциплину. Директор попал под обвинения и в результате суда получил десять лет тюрьмы. Таким образом, и мы с мамой смогли спокойно уехать, и я поступила на работу уже в новом месте.

В 1950 году мне исполнилось семнадцать лет, в этом же году нас освободили. Как только возникла возможность, мы сразу уехали из Якутии первыми. Мама продала все, что можно было продать, даже вещи с себя. Еще дядя, который был в Новочеркасске, прислал нам на дорогу тысячу рублей. Кроме того, у нас были небольшие сбережения – мы с мамой вязали большие белые пуховые платки и продавали их. Ехали мы через Якутск. Там мы оказались как раз на следующий день после отмены карточек. И можете вы себе представить! После того, когда все было по карточкам, и в магазинах ничего не было, стояли длинные очереди, вдруг сразу все полки заполнились

товарами! Все американское. Продукты, одежду, масло в очень красивых пакетах, американский бекон и прочее.

А в Калининe, куда мы с мамой приехали, – ничего нет! Очередь за хлебом занимают с вечера, номера пишут на ладони, утром надо проверяться для того, чтобы к вечеру, на второй день, получить хлеб. Это пятидесятый год. Работы нет никакой, деньги потихоньку кончаются. Тут мама вспомнила, что в Бологое у нее были раскулаченные родственники. Их раскулачили не так, как маминих родителей, которые были высланы в Среднюю Азию, им разрешили поселиться на сто первом километре. Вот они и осели в Бологое. Мама решила поехать к ним. Когда мы справились о них в адресном столе, нам сказали, что наши родственники полгода назад уехали в другое место. И мы опять остались ни при чем. Бологое – городок небольшой. Мы пошли по домам, искать квартиру, где можно переночевать. Одна женщина подошла к нам и сказала, что квартиру здесь найти можно, но в этом городе трудно с работой. А вот в сорока километрах – Вышний Волочок, там есть текстильный комбинат, и женщине там очень легко устроиться на работу.

Мы взяли билет на Вышний Волочок. Приехали мы вечером, темно, идти некуда, решили заночевать на вокзале. Проснулась я утром, а мама мне и говорит: «Куда мы приехали! Город разделен рекой на две части. Женщины после работы боятся идти через мост домой, их грабят, и все остальное, а потому они ночуют на вокзале». Ну, что делать! Приехали уже. Денег больше нет. Мама решила, что пойдем на базар, оценим обстановку. На базаре лучше всего видно, чем дышат люди в данной местности. Смотрим, картошка недорогая, хлеб в магазине свободно, есть дешевая колбаса, конфеты. Сельскохозяйственные продукты вообще дешевые. Жить можно. Решили остаться. Надо искать жилье. Ходим, спрашиваем у людей, не сдаст ли кто-нибудь нам комнату. Тут одна женщина остановила нас и говорит, что здесь, в центре, квартиры дорогие, а вот если перейти через реку, в Солдатской слободке, там можно найти хорошую квартиру и недорого.

Пошли мы на ту сторону реки. Ходим, спрашиваем. Вдруг одна женщина посмотрела на нас так внимательно и говорит: "А для кого вы ищите квартиру?" – "Да вот, для себя". Тогда женщина сказала нам, что у нее недавно умер муж, у нее есть маленькая комнатка, в ней муж сапожничал. Она может сдать нам эту комнату, только вещи там уже некуда ставить. Тогда мама и говорит, что у нас все вещи с собой. "Восемьдесят рублей – говорит женщина. – Если найдете потом что лучше, переселитесь". Комнатка, действительно, оказалась очень маленькой. Кровать да стул, больше туда ничего не вошло. Хозяйка была приветливая. Так мы оказались в Вышнем Волочке. Как бы то ни было, хоть я и была спецпереселенка, но я была комсомолка, а потому отправилась в Горком комсомола. Пришла я к инструктору и говорю, что я приехала из Якутии, не знаю города, знакомых нет. Хочу устроиться на работу, не могли бы вы помочь мне? Инструктор был из Ленинграда, по фамилии Елисеев. Он сразу стал куда-то звонить. Спрашивает, нужны ли вам

рабочие. Оказалось, что нужны. Тогда он сказал мне, что не хочет направлять меня на текстильный комбинат, лучше мне устроиться в артель. И направил он меня в артель, где шили шляпки и ткали для них полотно.

Артель она есть артель. А мама устроилась уборщицей на текстильный комбинат. Она и говорит мне, что у них на комбинате много девчат, молодежь, все хорошо зарабатывают, не то, что я в артели. Я решила уволиться, а из артели меня не отпускают. Оказывается, членов артели не увольняют. Тогда я написала дяде, маминому брату, в Игарку, и он прислал мне вызов. Тут уж отказать мне не смогли. Так я уволилась, а потом устроилась на комбинат. По тем временам я неплохо зарабатывала, девчонка, тысячу рублей. А на швейную работу меня все-таки тянуло. Три года я проработала на текстильном комбинате, а потом перешла на швейную фабрику.

Столько встреч, уже и не все запомнишь, многое уже выпадает из памяти. Но мне легче было, я все это помню памятью мамы. Она была очень светлым человеком, и память у нее была исключительная. Вот тетя Лена, она же моложе мамы, но она ничего не помнит. За неделю до смерти, когда мама лежала и уже не вставала, к нам пришли наши родственники и разговаривали с ней. Так они потом говорили: «Боже, ведь лежит и не встает, а какая светлая память!» Мама вообще была очень общительной. К ней приходила молодежь, и она любила рассказывать о пережитом. Она помнила все дни рождения, всю родословную семьи Постоненов. Вот поэтому и мне легко вспоминать и рассказывать о прошедшем.

Мама была очень дружна с матерью Урхо Хильмой. Семьи наши очень дружили. А третья невестка не особенно контактила с ними. Та работала где-то в Петергофе и была как бы дикаркой. Она была из богатой семьи – дочка избалованная. А тут и еще муж ее, дядя Матвей, работать не любил, а любил погулять.

На этом закончился рассказ Нины Осиповны Артамоновой (Постонен).

Следующая история, история Веры Мююр (Постонен), двоюродной сестры Урхо Постонена, дочери того Матвея, который «любил погулять». Вера Мююр родилась в 1925 году в деревне Туюзи. Отец – Матвей Постонен, мать – Анна Ивановна Постонен. Сейчас Вера живет в Эстонии. У нее четверо детей, десять внуков и семнадцать правнуков. Она рассказывает:

Мы уехали из нашей деревни в феврале 1942 года еще до того, как вывезли всю деревню. Мои родители поняли, к чему идет дело, и пытались избежать общей участи. Приехали мы в Сталинградскую область, на станцию Знаменка. Документов у нас с собой никаких не было – их у нас украли. (Я думаю, потеряли документы специально, чтобы не попасть в число спецпереселенцев, так делали многие. Л.Я.) Отсюда летом 1942 года и взяли в армию моего отца, Матвея Постонена. Через несколько дней, еще в штатском, он пришел к нам домой, повидаться. И после этого мы про него ничего не знаем. Он нам не писал и никаких вестей не подавал. Мама куда-то

обращалась, но ответов мы не получили. Знаменку немец не взял. Я там уже работала, дояркой работала. После войны мы вернулись в Ораниенбаум. Но здесь нас не прописали, сказали нам, чтобы мы ехали туда, откуда пришли. А куда же мы пойдём, если у нас нигде никого нет? В это время вербовали людей на разные работы. А у нас и денег-то нет. И вот мы завербовались в Татарскую ССР, в Казань. Потом очень долго добирались до Казани на поезде. Там очень сильные морозы, но мороз сухой, а нам приходилось работать на воздухе. Когда закончился этот контракт, мы опять завербовались, но на этот раз на Одесскую железную дорогу. Все это время мама писала и искала своих родных, свою сестру, тетю Марусю. Та оказалась в Эстонии в городке Тамсалун. Мы с мамой съездили к ним – так как мы работали на железной дороге, билеты у нас были бесплатные.

После этой поездки мама решила окончательно перебраться в Эстонию. Ехали мы без денег, без вещей, подчас сидя на ступеньках вагонов, так как внутрь вагона не попасть. В июле 1947 года, в самый сенокос, приехали к тете Марусе. Повидались с ней, а потом пошли пешком по селам, все искали, где бы найти работу. В Эстонии колхозов в это время еще не было, и мы устроились работать батраками на хутор. Мама в одном доме, а я – в другом. Жили мы у хозяев. Хозяева оказались хорошими, особенно мамини. Мой будущий муж Пауль также владел хутором, но поменьше. И в январе 1948 года мы уже поженились. Однажды мы сидели за столом у хозяев, а я эстонского тогда еще не знала. И я начала что-то говорить, не понимая смысла. Оказалось, что это звучит не совсем хорошо. Все начали смеяться, а я смутилась и убежала.

Пауль ходил на хутор, где я работала, и пытался ухаживать за мною. А хозяйка хутора говорит ему, что ты все ходишь, забирай ее себе, и делу конец! На что Пауль отвечает: «Она же не выйдет за меня!» Тогда хозяйка решила ему помочь и спросила у меня: «Вера, если Пауль к тебе посватается, ты выйдешь за него?» А я засмеялась и ответила: «Как же не выйду, конечно, выйду!» И так со смехом у нас все и началось. И только три месяца мы с ним погуляли. А когда он сунул мне в руку кольцо, ой как я плакала! Я не знаю, почему. У хозяйки была такая большая комната, я подметаю полы в ней, а слезы у меня текут и текут. Хозяйка идет и говорит: «Что это такое?» А я плачу и даже слова не могу сказать.

Когда я была беременна первым моим сыном, пришло распоряжение о высылке всех ингерманландски финнов. Нас с мамой вызвали в милицию и предложили уехать. Но так как я была замужем за эстонцем и ждала ребенка, мне разрешили остаться, а мама должна была уехать. Вернулась она ко мне только после смерти Сталина. Так мы и прожили всю нашу жизнь в Эстонии.

Любое повествование надо чем-то закончить. Но мне кажется, что к этим простым и незатейливым историям мне уже нечего добавить. Героини моего повествования прожили трудную, но счастливую жизнь. У них было все, и горе, и счастье, и любовь, и дети, и внуки.

Ирина Глебова

Ирина Глебова родилась в Саранске. Закончила факультет иностранных языков Мордовского университета. Второе образование – музыкальное. Стихи начала писать еще в школе. В 2003 г. опубликован первый стихотворный сборник «Камертон», в 2005 г. стала дипломантом I Республиканского форума. В 2008 г. опубликован второй сборник «Другие». С 2006 г. года является членом Координационного Совета молодых писателей Поволжья.

Публикации: газета «Диагональ»; газета «Известия Мордовии», молодежный литературный журнал «Странник»; сборник произведений молодых писателей Мордовии «Литературный сентябрь» 2006 г.

Осень

Грустный сад растерял цвет...
 Кто-то звонко включил дождь.
 К двери подкралась осень.
 Надрываясь, кричит вслед
 Молодой птичьей стае вождь,
 Стиснув в крыльях небес просинь.
 А на крыше скрежещет гром –
 Одряхлевший седой сверчок.
 Глубь окна поцарапал лист...
 В горле жухлой листвы ком,
 Опустевшей земли клочок,
 По душе покатился вниз.
 Вдруг не ринется из ветвей
 Потускневшего солнца шар.
 Нить его ловко спутал ветер.
 Посадив облака на клей,
 Меж столбов и машинных фар
 Осень прочные ставит сети.

Я никогда не скажу

Серого камня лицо – и размыто слегка,
Грязно-багряным румянцем щекины след,
Небо и яркое солнце, земля, облака –
Я никогда, никогда не скажу тебе «нет»...

Бабочка с робкими крыльями, с легкостью черт,
Я убегаю сквозь пальцы, как чувств череда;
Душу и тело украл, испытал и отверг –
Я никогда, никогда не скажу тебе «да»...

Страхом потери застыла любовь на губах,
В миг разорву неразгаданных мыслей ажур,
Что-то скрывать от любви – это тоже судьба –
Я никогда, никогда ничего не скажу...

Я в чужие смотрю лица,
Лиц так много на белом свете.
Среди нищих, пажей, принцев
Я боюсь тебя не заметить.

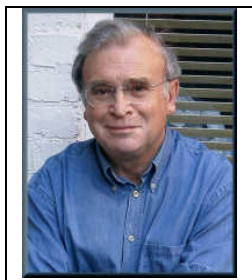
Я стараюсь быть беспристрастной,
Я скрываю, что – близорука.
Реки четких лиц и неясных
На меня нагоняют скуку.

Я по нотам тебя играла
В темных залах своей юдоли;
Был ли музыкой звук усталый,
Той, что люди зовут любовью?

Я скрываю, что я – немая,
Прячу мысли в чужих соло;
В говорливой листве мая
Мне мерещится твой голос.

И в кривых зеркалах жизни
Я смешной становлюсь, нелепой;
Среди лиц мимолетных, быстрых
Ты моим никогда не был...

Павел Долохов

6 декабря 2009 года ушел из жизни член Объединения русскоязычных литераторов Финляндии и наш постоянный автор Павел Долохов. Уроженец Санкт-Петербурга, по специальности – археолог. С 1989 года он жил и работал в Англии, профессор университета в Ньюкасле. Павел Долохов является автором ряда монографий по археологии России и Восточной Европы. Литературным творчеством стал заниматься в эмиграции. Ряд рассказов был опубликован в журнале «Нева». В 2003 году в издательстве «XXI век» вышел сборник рассказов «Русский сезон». В нашем журнале произведения Павла Долохова публиковались, начиная с 2008 года. По отзывам читателей он был одним из лучших наших авторов. Члены Объединения русскоязычных литераторов Финляндии скорбят о безвременной кончине нашего коллеги и приносят свои искренние соболезнования родным и близким Павла.

Археолог из Всехсвят

1

Той осенью Серёже Островскому было тоскливей, чем обычно. Путь домой из Археологического Присутствия он себе выбирал подлиннее. Шел по Невскому, не обходя своим вниманием пахнувший лимоном и дешёвым коньяком распивочный зал фирменного магазина «Арарат», что под аркой Главного штаба. Проходил гулками лабиринтами Дома книги. Вливался в толпу и проплывал освещенными приглушенным светом залами «Пассажа».

Собственно, дома у Серёжи никакого и не было. В просторной квартире на верхнем этаже запутанного сооружения, что высилось на углу Пестеля и Моховой, Серёжиным был небольшой стол-бюро с задвигающейся ребристой крышкой. Стол этот ездил с Серёжей повсюду, тянулся за ним из далёкого и

почти забытого Могилёва, кочевал по съёмным квартирам, пока не обрели они здесь пристанище. Задвинутый в дальний угол, Серёжин стол настороженно скрипел, с испугом поглядывая на обступивших его и недобро поблескивавших позолотой темно-красных чудовищ.

Дома Серёжу встречали тёща, Ядвига Вацлавовна, и Яна, дочь Серёжиной жены Магды от её первого брака. Несмотря на значительную разницу в возрасте – Ядвиге Вацлавовне было за семьдесят, а Яне только что стукнуло двенадцать, – обе они были удивительно похожи настороженным и слегка испуганным выражением широко раскрытых голубых глаз.

– Что нового в лучшем из миров? – эту фразу Ядвига Вацлавовна повторяла каждый раз, когда видела Серёжу, иногда по нескольку раз в день. И Серёжа каждый раз отвечал без улыбки:

– Всё идёт к лучшему, мадам...

Серёжа проглатывал разогретый тёщей бульон и окаменелые котлеты с прилипшими к ним макаронами и садился с Яной за стол-бюро проверять Янины уроки.

– Попробуй ещё раз, Яночка... Это же так просто.

Он старался не дышать в Янину сторону, хотя и знал, что это бесполезно. Яна морщила свой носик.

– Ты опять выпил, па. Придётся доложить мамане...

Серёжа что-то бурчал и быстро решал Янину задачу.

Потом Серёжа забирался с ногами на диван и открывал какую-нибудь книжку. Ему редко удавалось сосредоточиться на чтении. Он прислушивался к шагам на лестнице, хотя знал, что Магда придёт не скоро, не раньше десяти – она вела вечерние занятия. Раньше он выходил встречать её к остановке автобуса, на Литейный. Случалось так, что он ждал её до одиннадцати, и, не дождавшись, возвращался домой – Магда была уже в постели.

– Меня подвезли на такси, – говорила она, устало зевая и отворачивалась к стенке...

Однажды, осенним утром в тоскливой жизни Серёжи Островского забрезжил лучик света. Он принял обличие Вадика Михеева, сутулого бородача в светло-сером костюме, Серёжиного сокурсника. Вадик курил и натужно кашлял в углу Присутственного коридора. Завидев Серёжу, Вадик сделал сложное па ножкой, выплюнул сигарету, с большого расстояния попав в пепельницу, и громко закричал, не тратя время на приветствия:

– Поехали во Всехсвят! Ты обещал!

Серёжа вспомнил. Обещал, действительно обещал поехать с Вадиком во Всехсвят. Туда, где Вадик, археолог из враждебного Присутствию Музейного Ведомства, нечаянно нашёл стоянку древнего человека, древнейшую во всём их околотке.

– Так ты едешь? – наседал на Серёжу Вадик.

Серёже мучительно хотелось согласиться сразу, но честь Присутствия не позволяла.

– Проехал бы, Михеич, да начальство не пустит. Командировочные срезали.

– Так вот они, твои командировочные. Вот они! – Вадик сунул в нос Серёже какие-то бумаги.

– Не доедали, не допивали, на гигиене экономили. Всё ради вас, сэр!

Ломаться дальше не было смысла. Скрепили соглашение в распивочной под Аркой.

– Бур у тебя? – деловито осведомился Вадик, когда они, пристроившись в углу распивочной, тянули по второй и захрустели посахаренными дольками лимона.

Серёжа молча кивнул. Бур был его основным научным достижением. Сваренный по Серёжиным чертежам на Адмиралтейском заводе умельцем Твердохлебовым за два литра чистейшего медицинского спирта, он уже успел обрасти легендами. По одной из версий, Серёжа перед началом работ долго шептался с буром, поглаживал его, делал таинственные пассы, а затем с разбега втыкал в грунт. Не доверяя это дело никому, он повисал на буре всей своей тяжестью. Бур послушно уходил в мягкую землю, по самую рукоятку. Тогда Серёжа откручивал рукоятку и наращивал бур новыми штангами и вновь погружал его, все глубже и глубже. А на какой-то глубине прекращал бурить, поворачивал ручку по часовой стрелке и вытаскивал бур, штанга за штангой, пока не появлялся крутобокий, поблескивавший корабельной сталью челнок. Челнок открывали, медленно вращая ручку против часовой стрелки, и он обнажал поднятые им из недр чудеса...

На следующий день они с Вадиком спустились в подвал Археологического Присутствия, где завхоз Адоничев, нехотя извлёк из темно-зеленого, предназначенного для перевозки артиллерийских снарядов, ящика запаянный в толстый полиэтилен бур.

– Распишись здесь, – сказал Адоничев, протягивая Серёже мятую ведомость.

– Спирт берёте?

Серёжа и Вадик радостно закивали. Через минуту Адоничев появился с бутылью и другой ведомостью.

– Даю два, распишешься за пять.

Серёжа с готовностью подмахнул ведомости, не читая.

Они вынесли тяжелый бур на Набережную, где уже стоял старенький «Москвич» Гены Бельского, приятеля Вадика. С большим трудом пристроили бур в салоне, между сиденьями – бур упирался концами в ветровое и заднее стёкла – и повезли на Витебский вокзал. Гена Бельский ехал осторожно, старался не тормозить, чтобы бур не пропорол «Москвич» к чертовой матери!

На Витебском они сдали бур в багажное отделение.

– Поедет с нами, – объявил Вадик, пряча в бумажник багажную квитанцию.

– Кстати, получи билет. Завтра в девять. Черниговский поезд, вагон номер семь. До станции Вежель. Не опаздывай!

В день отъезда Серёжа пришёл из Присутствия пораньше, стал собирать рюкзак.

– Опять ветер дальних странствий? – спросила Ядвига Вацлавовна.

– Он самый, мадам, он самый, – ответил Серёжа, засовывая в рюкзак выдавшие виды кирзовые сапоги.

– Надолго? – не отставала тёща.

– На несколько дней, мадам. Сушная безделица.

– Магда знает?

– Оставил письменное прошение по всей форме. Лежит на бюро.

Серёжа поднял глаза и увидел Яну.

– Па, ты уезжаешь, а как же сочинение?

– Яночка, я очень скоро вернусь... Ты набросай пока план, как я тебя учил.

Яна не уходила. Прижалась щекой к Серёжиному свитеру.

– Па, не уезжай. Мне плохо, когда тебя нет...

Серёжа почувствовал острую боль в сердце. Он опустил на корточки, стал гладить Янины льняные волосы.

– Да что ты, Яночка. Я же всего на несколько дней... Честное пионерское...

Яна оттолкнула Серёжу от себя и посмотрела на него в упор большими голубыми глазами.

– Поклянись, что не будешь пить. Поклянись, а то я умру...

Серёжа заблеял:

– Да что ты, Яночка, да как же...

Яна до боли сжала Серёжин палец:

– Скажи «клянусь»!

– Клянусь, – покорно пробормотал Серёжа, натянул плащ, схватил рюкзак и выскочил на лестницу.

На улице было темно и пакостно. В нитках дождя расплывались огни уличных фонарей, вспыхивали и гасли фары машин. Серёжа посмотрел на часы. Было шесть часов, три часа до поезда. Честно говоря, он намеревался скоротать это время в пивбаре под Думой на Невском, где как раз в это время собиралась его беспутная компания. Но он вспомнил Янины строгие глаза и решительно повернул в другую сторону. Его вынесло к кинотеатру «Октябрь». На промокшей афише можно было прочитать: «Пепел и алмаз». Сергей купил билет и вошёл в полупустой зал. На экране польский диссидент, его играл Збигнев Цибульский, убивал секретаря райкома, который, как выяснилось, был его отцом. Оба были хорошие, обоим было жалко. После фильма на душе у Серёжи стало ещё муторней. Он вскочил в троллейбус и поехал на Витебский.

Черниговский поезд стоял в самом конце перрона. Вагон номер семь пахнул застоялой мочой и дезинфекцией. Серёжа повесил плащ на крючок у

двери, забросил рюкзак на верхнюю полку и устроился у окна. Вадика не было.

Он появился, вместе с Геной Бельским, когда до отхода поезда оставалось минут пять. Оба были сильно навеселе. В руках у Гены был пузатый портфель. Войдя в купе, Гена расстегнул портфель, и Вадик ловко извлёк из него три бутылки портвейна и складные пластмассовые стаканчики.

– Осторожно, не замочи рукопись, – предупредил его Гена. – Мой диссерт, единственный экземпляр.

– Не бойсь, – успокоил его Вадик, – не замочу.

Серёжа поднёс к лицу тёмно-красную жидкость. Она пахла жжёной пробкой и сахарином. Он почувствовал тошноту и осторожно отставил стаканчик. Зато Вадик и Гена управились со своими порциями удивительно быстро.

– Поезд отправляется, – разнеслось из репродуктора под потолком – просьба провожающих покинуть...

Гена допил, что оставалось в стаканчике, и бросился к выходу.

Через минуту его лицо появилось в окне. Он бежал вслед за поездом и что-то кричал. Слов было не разобрать.

Серёжа оглянулся и увидел Генин портфель.

– Он забыл портфель с диссертом!

Они вдвоём попытались открыть окно. Тугая рама не поддавалась. Вадик схватил портфель и бросился в тамбур, нажал на ручку двери. Дверь открылась. Он широко размахнулся.

– Стой не кидай! – что было сил, крикнул Серёжа, – он заметил, что перрон кончился, и за дверью мелькают пролёты моста.

Но было поздно. Портфель птицей вылетел из вагона, описал дугу и плюхнулся в чёрные воды Обводного канала.

Вадик почесал бороду, ссутулился. Виноватой походкой поплёлся в купе.

– У нас ничего не осталось? – спросил он, перебирая пустые бутылки. Серёжа протянул ему свой стаканчик. Вадик засадил его одним духом. Вытер усы.

– За Генин диссерт. Он напишет ещё лучше, вот увидишь. Гена, он толковый...

На рассвете следующего дня они прыгнули на крутую, сложенную желтоватой галькой железнодорожную насыпь. Было зябко; от невидимых болот клочьями поднимался туман. Паровоз вздохнул, поезд лязгнул буферами, вздрогнул, тронулся и растворился в тумане.

– Где мой бур? – спросил Сергей и тут же заметил вдалеке, там, где насыпь переходила в подобие перрона, телегу, влекомую сухопарым мужичком бомжеватого вида. На телеге виднелся завернутый в коричневую бумагу предмет, по форме напоминавший бур.

Они припустили вслед за мужичком и достигли его перед входом в крашеную белой краской будку, на которой красовалась надпись, сделанная неровными буквами: «Багажное отделение».

– Наш багаж, – решительно сказал Серёжа и протянул мужичку квитанцию.

– Ничего не знаю, – отстранил квитанцию мужичок и указал грязноватым пальцем на объявление: «Выдача багажа с 11 до 14 часов с перерывом на обед».

Подошёл Вадик, сунул мужичку трёху, тот молча сгрузил бур на землю и, как и поезд, ушёл в небытие.

Вадик стоял, поддерживая одной рукой бур, вертел головой по сторонам. По его лицу катился пот.

– Ищешь, где бы пива? – посочувствовал ему Серёжа.

– Про пиво забудь, – мрачно сказал Вадик. – Всё пиво осталось в Питере. Пошли к водокачке.

Серёжа несколько раз качнул железную планку, и из трубы хлынула ржавая вода. Вадик жадно припал к ней губами, вода лилась на его брезентовую штормовку, брызгами отлетала от неопрятной бороды. Вадик пил воду и фыркал. Наконец оторвался, вытер лицо платком и улыбнулся.

– Ну, всё, я живой. Пошли в Вежель.

Они шли поросшими травой улицами Вежеля, мимо деревянных домиков, стоявших на вросших в землю каменных фундаментах, и несли тяжёлый и удивительно неудобный для переноски бур. Откуда-то доносился приглушенный звон церковного колокола. Пошли на этот звук и оказались на центральной вежельской площади. Там высилась белая, с синими куполами церковь. Двери её были открыты, в черном проеме виднелось мерцание свечей. Из церкви доносилось пение. На ступенях ровными рядами стояли нищие.

– Райхрам Святых Петра и Павла, – пояснил Вадик, – единственная действующая церковь в околотке.

– В как же Всехсвят? Название вроде церковное...

– Храм Всех Святых спалил Стефан Баторий в семнадцатом веке. С тех пор у всехсвятцев с религией нелады.

Они вошли в стоявший напротив храма заплёванный семечками автовокзал.

– Когда-то до войны во Всехсвят вела железнодорожная ветка – сказал Вадик, – её грохнули партизаны. Восстанавливать уже не стали...

Подошёл автобус, развалюшный ПАЗ, и в него битком набились бабки с кошелками и лукошками. Серёжа и Вадик притулились сзади, уложив бур на ребристый пол.

– Грибники, – задумчиво сказал Вадик, – самое время...

По дороге туман рассеялся, выглянуло солнце. В лесу по обе стороны дороги жёлтыми свечами вспыхнули берёзы. Лес расступился, и перед ними

раскрылся сочный луг, в конце которого поблескивало озеро. Автобус запрыгал на булыжнике и замер посередине площади, по краям которой стояли покосившиеся каменные строения.

– Приехали, – объявил Вадик. – Уэлком ту Всехсвят!

– Уэлком, уэлком, – подхватил подошедший к ним невысокий человек в мятом чесучовом костюме.

– Тимофей Семёныч Геллер, – представил его Вадик. – Всехсвятский историограф и по совместительству редактор районной газеты «Всехсвятский труженик».

– Заместитель, всего лишь заместитель, – поправил его Тимофей Семёныч, и, обращаясь к Серёже:

– Рад познакомиться, Сергей Львович, наслышаны мы о вас. А где же ваш знаменитый бур?

Сергей с трудом вытащил бур из узких дверей ПАЗа, и Тимофей Семёныч подхватил его, легко подкинул себе на плечо и быстро зашагал по узкой дорожке, мимо спрятавшихся за всполохами бузины всехсвятских домиков.

Дом Тимофея Семёныча стоял на косогоре, с видом на озеро, и по виду мало отличался от всех остальных. Разве что поаккуратней и поприбранней. Посыпанные белым песком дорожки, ровные грядки на огорожке, клумбы с гортензиями у крыльца. А на крыльце приветливая женщина в цветистом платочке.

– Добро пожаловать, гости дорогие, обед на столе...

– Валентина Ивановна, – представил её Вадик. – Светоч культуры, завуч школы, преподаватель немецкого языка...

Внутри дом Тимофея Семёныча и Валентины Ивановны выглядел как среднего достатка ленинградская квартира. Рижский мебельный гарнитур, телевизор с большим по тем временам экраном. Множество книг на застекленных полках. На стене большая фотография смуглого человека в довоенной форме, с ромбами.

– Отец Тимофея Семёныча, – сказал Вадик, – герой Советского Союза

На столе источали аромат миски с густым борщом, по которому расплывались горки белоснежной сметаны.

Тимофей Семёныч достал пузырёк с темно-красной жидкостью, стал разливать по рюмкам.

– Мне не надо, – сказал Серёжа и прикрыл свою рюмку рукой.

– Мне тоже нельзя, – вздохнул Тимофей Семёныч, – сердце. Но по чуть-чуть можно, эта настойка – лечебная.

Они чокнулись, и Серёжа пригубил пахнущую травами жидкость.

После обеда спустились по крутой улочке к озеру. Было не по-осеннему тепло. На заваленном сухим тростником пляже лежали перевернутые лодки. Среди них, надрывно крикая, шествовали утки. Тимофей Семёныч и Вадик повели Серёжу мимо лодок и расставленных на просушку рыболовных

снастей, к мысочку, где рядом с горкой песка, виднелся правильных очертаний котлован, до краёв заполненный непрозрачной водой.

– Наш раскоп, – сказал Вадик. И здесь Серёже была рассказана слышанная им доселе в отрывках трогательная история открытия Всехсвятских стоянок.

Ему поведали о том, как по этим местам в безуспешных попытках найти что-либо толковое проходили сонмы ленинградских и московских археологов. Особо часто при этом упоминалась мадам Тюрина из Археологического Присутствия. Привлечённая находками странного вида керамики, которые ей приносили местные рыбаки, она два раза проехала озеро на лодке. Защищаясь огромным парусиновым зонтом от палящих лучей всехсвятского солнца, мадам Тюрина погружала в топкое дно озера особой конструкции щуп, собранный по её заказу в колхозной мастерской из старых рыболовных снастей. Весна в тот год была дождливой, вода в озере стояла высоко, дно заилилось, и, кроме водорослей и обломков брёвен, щуп мадам Тюриной не вытащил на поверхность ничего. Соответственно, в вышедшей вскоре после того монографии мадам Тюриной было сказано, что ввиду неблагоприятного климата, древние люди избегали селиться на Всехсвятских озерах, а найденная на его дне керамика относится к средневековью.

Далее в повествовании активная роль переходила к Тимофею Семёнычу, в частности, к письму, отпечатанному им на фирменном бланке газеты «Всехсвятский труженик» и отосланному в Музейное Ведомство. В письме сообщалось о двух фактах: о странного вида костях, обнаруженных Тимофеем Семёнычем в ходе рытья колодца на его приусадебном участке, и не менее странных кремнёвых предметах, найденных всехсвятскими школьниками на дальних озёрных плёсах. Письмо было воспринято со вниманием. Не последним обстоятельством была известная напряженность в отношениях между Археологическим Присутствием и Музейным Ведомством и некоторая нелюбовь к мадам Тюриной и её щупу. Вадик Михеев был откомандирован во Всехсвят, чтобы всё проверить и во всём разобраться. Кости, обнаруженные в колодце Тимофея Семёныча, как выяснилось, были остатками скота, забитого прежними владельцами участка в ходе массовой коллективизации тридцатых годов. Что касается кремнёвых предметов, то внимательный анализ подтвердил их принадлежность к микролитической культуре, возраст которой превышал шесть тысяч лет.

Далее Вадик и Тимофей Семёныч применили стратегический приём, известный как «перекрёстный опрос местного населения». Был отобран узкий круг перспективных информаторов; в основном людей пожилых и сильно пьющих. Опрос производился на веранде крашеного голубой краской заведения, известного в народе, как «Голубой Дунай», с использованием подозрительного пойла, продававшегося в местном сельпо двухлитровыми банками из-под солёных огурцов с криво прикреплённой наклейкой: «Красное крепкое».

Наиболее ценную, хотя и путаную информацию удалось получить от сторожа рыбсовхоза Медуна Иван Никифоровича. Данный информатор большую часть дня находился в сумеречном состоянии души и на внешне раздражители реагировал слабо. Признаки адекватной реакции у него проявлялись после употребления двух банок «Красного крепкого». Он становился разговорчивей после четвёртой, но не надолго. Вскоре речь Иван Никифоровича теряла всякие признаки здравого смысла, голова его падала на стол, он начинал громко храпеть и норовил соскользнуть на грязный пол. Но даже в моменты относительного просветления речь Иван Никифоровича трудно было назвать связной. Он вскакивал, изображая согнувшегося человека. «Он здесь – в трубу... а я тут, пацан голозадый, а он в трубу, мать его за ногу...а там лес целый, доска к доске... а он в трубу, мать его туда и обратно...». Этот текст повторялся с небольшими вариациями до бесконечности.

– А кто был этот, что с трубой? – пытался выведать Вадик.

– Кто, кто? – удивлялся Иван Никифорович, – Понятное дело, немец, фашист проклятый.

– А где было-то это всё? – не унимался Вадик.

– Да тут и было, – отвечивал информатор, – насупротив Коровинского дома...

Жителей с фамилией Коровин в посёлке Васехсвят не значилось. Небольшая работа, проведённая Тимофеем Семёнычем в райотделе КГБ, позволила установить, что Коровин Вениамин Александрович до войны был бухгалтером в местном колхозе «Ленинский путь». Во время войны он остался в оккупированном немцами Всехсвяти и был назначен старостой. В 1946 был судим коллегией по особо важным делам и приговорён к высшей мере – повешению. Коровин был прописан по Озёрной улице номер 22, у самого озера.

В тот год, как и сейчас, осень стояла тёплая. Все последующие дни Вадик с несколькими школьниками из старших классов обследовали дно озера, против Коровинского дома. Там было неглубоко, метра полтора-два, но дно покрыто толстым слоем ила, и видимости никакой. Они ныряли по очереди и разгребали ил руками. После второго или третьего погружения, школьники подняли со дна большие обломки сосудов, покрытые странными орнаментами. Потом нашли костяные наконечники гарпунов и предметы, вырезанные из окаменевшего от времени дерева. Вадик отплыл чуть подальше от берега и нырнул. Ила там не было, а вода – прозрачней. Присмотревшись, он увидел ряд чёрного цвета деревянных кольев, выступавших из песка и уходивших на глубину...

На следующий год Вадик приехал в Всехсвят в мае. Весна тогда выдалась на удивление сухой. Вода в озере упала не меньше, чем на метр, и дно, напротив Коровинского дома обнажилось. Из застывшего на воздухе ила явственно проступили деревянные сваи. Они торчали на ровном расстоянии

друг от друга, образовывали правильные ряды. Кое-где они были сочленены перекладинами, а в одном случае между сваями виднелись досчатые настилы.

– Господи, – вырвалось у Вадика. Никак свайное поселение... Точь-в-точь, как в Швейцарии...

С Вадиком было несколько студентов из университета. Они поставили на возвышенном месте теодолит, принесли рейки, стали снимать план. И тут откуда-то возник Иван Никифорович. Он был в крайнем возбуждении.

– Вот здесь, точно здесь. Немец с трубой, фашист проклятый.

Беззубый рот Иван Никифоровича выплёвывал нечленораздельные звуки. Он указал рукой в сторону озера:

– А там лес... доска к доске...

Когда они вернулись в дом Тимофей Семёныча, солнце садилось, и над озером поднимался туман. Тимофей Семёныч и Вадик сидели в столовой, обсуждали одним им интересные дела и случаи.

...Серёжа подошёл к книжной полке. Его внимание привлекла маленькая книжечка. На жёлтом кожаном переплёте золотыми готическими буквами было выбито: Bibel. Надо же, библия по-немецки, подумал Серёжа и открыл книгу наугад. В молодости он изучал немецкий и всё ещё помнил готические буквы. Текст показался ему странным. Что-то не похоже на Библию. Стал читать внимательней, перевернул несколько страниц; на обрезе одной из страниц стояло: Adolf Hitler. Mein Kampf.. Серёжа вернулся к началу книги. Титульный лист был вырван, но на верху первой страницы чётко читалась сделанная мелким почерком подпись: Paul Heinrich von Hedicke.

Серёжа закрыл книжку и аккуратно поставил её на прежнее место.

Всю неделю они бурили берег озера: определяли границы культурного слоя. Запущенный на глубину челнок неизменно приносил мелкие обломки керамики, угольки и деревяшки. Когда скважины нанесли на план, оказалась, что площадь поселения была не меньше двухсот метров.

Работа подходила к концу. Как-то вечером они сидели в доме у Тимофея Семёныча, пили чай с вишнёвым вареньем. Серёжа вдруг спросил:

– А я бы хотел взглянуть на хорошую карту вашей местности.

– Хорошую карту? Это можно, – сказал Тимофей Семёныч и подошёл к книжному шкафу. Порылся в каких-то папках. Достал вчетверо сложенную бумагу, протянул Серёже, – по-немецки читаете?

– Читаю, – сказал Серёжа и развернул бумагу на столе. Перед ним был очень подробный топоплан с названиями по-немецки. На верхнем обрезе стояло: Reichswehr. Чуть ниже: Wsechswjatgebiet. А у правого нижнего обреза виднелась уже знакомая подпись: Paul Heinrich von Hedicke.

Серёжа погрузился в чтение карты. Его внимание привлекло большое зелёное пятно на севере, судя по всему, огромный верховой торфяник. Из него во все стороны вытекали ручьи, некоторые из них доходили до Всехсвятского озера. На болоте синими буквами стояла надпись: Tschistyj, 8 m.

– Есть у вас тут такое болото, Чистый или Чистое?, – спросил Серёжа.

– Есть такое, – ответил Тимофей Семёныч, – за селом Церковищи.

– Я бы хотел туда попасть, – сказал Вадик, – интересное оно. Всё на нём тут завязано.

– Туда дороги нет, – сказал Тимофей Семёныч, – дорога кончается в Церковищах.

– А как же местные по грибы-ягоды ходят.

– Местные в Чистое по грибы-ягоды не ходят. Слава у него дурная.

– Поясните, поясните, Тимофей Семёныч, – в один голос попросили Серёжа и Вадик.

Тимофей Семёныч помолчал, пожевал губами.

– Во-первых, до войны там был концлагерь. Силами зеков проводили мелиорацию. Народу положили видимо-невидимо... А во время войны, при немцах, здесь был партизанский край. Немцы стояли лишь в крупных посёлках да высылали время от времени карательные экспедиции. К востоку от Всехсвят – из Минского генерал-губернаторства, а к западу – из Курляндского. Карательные экспедиции проводились поочередно, партизаны знали о них заблаговременно и соответственно меняли дислокацию. А Чистое оказалось в нейтральной полосе. Партизаны там проложили дорогу на большую землю. Немцы туда редко совались, но, говорят, всё кругом заминировали. И ещё, – Тимофей Семёныч опять помолчал, собираясь с мыслями.

– Немцы на Чистом понастроили доты. Посылали туда проштрафившихся офицеров и унтеров... Были у них и такие... Приковывали бедолаг цепями к пулемётам... Перебили их всех партизаны... Так и лежат они там в своих дотах... Нет, не ходят наши на Чистое...

– Надо ехать, – решительно сказал Вадик, – Вы с нами? – спросил он Тимофей Семёныча. Тот отрицательно замотал головой.

– На чём поедете? – спросил Тимофей Семёныч.

– Поедем на велосипедах, – ответил Вадик.

Велосипеды нашлись в сарае у Тимофей Семёныча. Один – совсем новый, другой – постарше, но оба на ходу. К велосипедным рамам прикрепили штанги бура, к сиденьям – спальные мешки. Долго собирали небольшой походный рюкзак – взяли бинокль, компас, карту, сапёрные лопатки, рулетку, кое-что из еды. Вадик долго колдовал над бутылью со спиртом – в рюкзак она не помещалась. Отлил из бутылки спирт в водочную бутылку, слегка разбавил водой, опустил на верёвке в колодец – для охлаждения. В результате, когда выезжали на следующее утро, про бутылку забыли. Серёжа вспомнил, когда они отъехали от дома, но возвращаться не стал: примета плохая.

До Церковищ доехали быстро – в кузове попутной машины. Там, как и говорил Тимофей Семёныч, дорога кончилась. Они сориентировались по карте, нашли ведущую в сторону Чистого тропинку, вскочили на велосипеды и заработали ногами. Как оказалось, ехали они по старой заброшенной дороге. Она то расширялась, у неё даже проступали обочины и что-то вроде твёрдого покрытия, то превращалась в узкую стёжку, сжатую со всех сторон зарослями

орешника. Тропинка понемногу поднималась в гору. Лес стал реже, всё чаще попадались берёзки с кривоватыми стволами. Потом лес расступился, и перед ними открылась гладь огромного болота, поросшего неестественно зелёной травой. Под порывами ветра трава прижималась к земле и, казалось, что болото дышит. Кое-где виднелись холмики, на них росли чахлые кустарники и кривоствольные берёзы.

У края болота тропинка прерывалась. Серёжа и Вадик слезли с велосипедов. Солнце палило по-летнему, было жарко. От болота поднималось душное марево. Они осмотрелись по сторонам. Невдалеке, на берегу, на пригорке виднелась покрякивающая изба. Они подошли к ней, открыли ветхую дверь. На них пахло гнилью. В маленькой комнатке виднелся топчан, полуразвалившийся столик. Они бросили на топчан спальные и рюкзаки, развязали бур.

Шли они точно по азимуту, каждые сто метров погружая бур в трясину. Бур издавал чавкающие звуки и легко уходил в глубину, пока не упирался в твёрдый грунт. Глубина медленно возрастала, метр, два, три... Часам к шести небо заволокло, подул холодный ветер, пошёл мелкий дождь. Они прошли ещё с полчаса, взяли ещё одну точку: твёрдый грунт пошёл с 4 метров с копейками. Дождь усиливался. Вести дневник стало невозможно, бумага на дожде промокала. Они собрали бур и побрели назад. Их следы были явственно видны, а на местах, где они бурили, образовались небольшие озёрца. Дождь усиливался, вскоре он перешёл в град, затем повалил мокрыми хлопьями снег. Стало совсем темно, ветер валил с ног.

– Ещё чуть-чуть, – подбадривал Серёжу Вадик – а там и спиртик для сугреву.

В избе Вадик три раза перерыл содержимое рюкзака.

– Где спирт? – спросил он сдавленным голосом.

– В колодце у Тимофей Семёныча, – спокойно ответил Серёжа, – охлаждается.

– И ты знал?

Серёжа кивнул.

– Почему не вернулся?

– Примета плохая.

По лицу Вадика прошла гримаса. Было видно, он силится сказать, что он думает по этому поводу, но не может найти подходящих выражений. Он молча махнул рукой, не раздеваясь, залез в спальник и отвернулся к стенке.

Ночью случилась редкая в тех местах осенняя гроза. Избушка ходила ходуном, почти без перерывов гремел гром, через ветхую крышу ручьями лилась вода. Несколько раз где-то близко вспыхивали разряды молний, и почти сразу же раздавался оглушительный треск. Серёжа взглянул на Вадика. При свете молнии он увидел его лицо. Вадик мирно спал лёжа на спине, губы его сладко причмокивали.

Серёжа встал и приоткрыл дверь. Ему показалось, что болото светится фиолетовым цветом. Вдруг небо раскололось. Один за другим небо прорезали три разряда молний, и нестерпимый грохот потряс всё вокруг. Серёжа закрыл глаза и ясно увидел отпечатавшееся на сетчатке изображение креста...

Утром опять светило солнце. Они взяли бур и вошли в болото.

– Смотри, – Вадик указал вдаль. На холмике, где ещё вчера стояли кривоствольные берёзки, виднелись лишь обгорелые головешки.

Они подошли к холмику. От него в глубь болота вела полоса выжженной травы. Они прошли по этой полосе метров триста, время от времени беря азимут и отмечая свой путь на карте.

– Посмотри направо, – сказал Вадик.

На горизонте показался островок. Серёжа поднёс к глазам бинокль. Солнце уже было высоко, и от болота поднималось липкое марево. Очертания острова в бинокле всё время менялись. На островке виднелось расплывчатое белое сооружение. Когда подошли ближе, сооружение приобрело отчётливые очертания.

– Это – немецкий дот, – уверенно сказал Вадик.

Они осторожно заглянули в чёрную амбразуру. В нос ударил пряный запах сгнивших листьев. Вадик достал из рюкзака фонарик, тусклый луч пробил темноту. Серёжа подтянулся на руках и осторожно опустился под бетонный колпак. Вадик, зажав фонарик во рту, последовал за ним. Они медленно пробирались, расчищая завалы из веток и листьев. Внезапно руки Серёжи наткнулись на холодный металл.

– Посвети сюда, – сказал он Вадиду.

Серёжа разгрёб руками листья, и в луче фонарика появился ствол пулемёта. Проведя руками вдоль заржавевшей плоскости, он нащупал щит и замок. Когда их глаза привыкли к темноте, они различили человеческие останки. Металлическая цепь соединяла щит пулемёта с лучевой костью трупа.

Они несколько раз выбирались наружу, чтобы глотнуть свежего воздуха и забирались в амбразуру опять. Внимательно осмотрели шлем с двумя пулевыми отверстиями, им точно соответствовали отверстия в затылочной части черепа, собрали истлевшие остатки мундира. Когда они забрались в амбразуру в последний раз, Серёжа различил тускло поблескивающую возле черепа коробочку. Он аккуратно откопал её и вынес на поверхность. Поддел крышку лезвием перочинного ножа. В коробочке оказалась книжечка в кожаном переплёте. На первой странице было написано мелким готическим шрифтом:

Paul Heinrich von Hedicke.

(Окончание в следующем номере)

Рамиль Сарчин

Поэт, литературный критик и литературовед из Казани. Родился в 1975 году в селе Калда Барышского района Ульяновской области. В 1998 году окончил филологический факультет Ульяновского государственного педагогического университета по специальности «русский язык и литература». В 2006 году там же защитил кандидатскую диссертацию, посвященную творчеству поэта Николая Благова. Является автором поэтических сборников «Стихотворения», «Возвращение», «Цветоповал» и монографий «Поэтический мир Николая Благова», «Николай Благов», «Лирика И.Л. Лиснянской в контексте русской поэзии».

У России – осенний характер,
А у осени – русские чувства...
Продымил сизым облаком трактор,
Чтобы не было в воздухе пусто.

Серый дождик, с утра морозящий,
Отмывает в телегах капусту
И по лужам гуляет с гусями,
Чтобы не было в воздухе пусто.

Под котомками гнутся старушки
И под небом заплаканно-грустным
Гулкий день перебранкой нарушат,
Чтобы не было в воздухе пусто.

Утреннее

Может быть, я завтра и не встану,
Но пока мой голос в серебре,
Как люблю я рано по туману
Пробуждаться летом на заре.

И послушать утреннюю птицу,
И залюбоваться на ручей,
Что уже успел позолотиться
От охапок солнечных лучей.

Поглядеть украдкой на дорогу –
Как она похожа на судьбу!
И, от ветра утреннего вздрогнув,
Воротиться в теплую избу.

И хотя не скоро до морозов,
Но уже сегодня поутру
Листья сердцевидные берёзы
Бились и страдали на ветру.

Куда ни глянешь – не видать ни зги,
Куда ни ступишь – не найти дороги...
Чтобы развеять зимние тревоги,
Размениваю мысли на шаги.

Как мне привычно стало при луне
Скитаться по окраине деревни –
И согреваться думами о древнем,
И помечтать о будущей весне...

Когда настанет самая пора,
На свежий ветер форточку открою:
Как никогда, весеннею порою
В неё восходит воздух со двора!

И голуби об окна шелестят,
Такие вдруг ручные, недотроги!..
И ты, совсем как малое дитя,
Не ведаешь ни мысли, ни тревоги.

Семён Каминский

Прозаик, журналист, член Международной федерации русских писателей. Родом с Украины, сейчас живет в Чикаго. Его рассказы, очерки, статьи публиковались в авторских сборниках, газетах и журналах России, Украины, США, Дании, Израиля, Германии, Финляндии и Канады. Автор книги "Орлёнок на американском газоне", вышедшей в США. Редактор-составитель литературной страницы русско-американского еженедельника "Обзор" (Чикаго).

Счастливчик

... Я просто ненавижу его. И завидую! Знаю, знаю, нехорошее чувство... Все равно завидую. И как можно не завидовать такому человеку? Ты пять дней не отходишь от этих дурацких книжек и тетрадей, зубришь, как ужаленный в задницу, сто девятнадцать билетов, но не успеваешь пройти последние три... И на экзамене тебе, совершенно одуревшему от дат, имен и почти бессонной ночи, попадается сто двадцать второй! Как раз из тех, что ты не успел повторить! И еле-еле – трояк!

А он... веселый, краснощекий от катания на лыжах на загородной даче у каких-то знакомых, говорит, что ничего не учил, кроме десяти билетов. Уверенно тянет билет на столе у Риммы Сергеевны и вытаскивает один из этих десяти! Пять баллов! Она его еще и хвалит! Какая хорошая у вас подготовка! Подготовка...

А это его почти портретное сходство с известным поэтом: светлые волосы, длинные ресницы, наивно-задумчивый взгляд! И такое же, как у поэта, имя.

И это ему родители покупают чехословацкую гитару, на которой он даже не пытается научиться играть, и переносной магнитофон, который он почти не слушает. А ты тут в кровь молотишь на отцовской клееной-переклеенной семиструнке, переделанной на шесть, и маешься с допотопной магнитолой, которая крутится пятнадцать минут, а потом останавливается, зажевывая пленку.

Вы считаетесь друзьями, везде ходите вместе, и ты придумываешь всякие приколы для всей компании. И девчонки смеются, и все смеются – твоим выдумкам, но без него тебя не приглашают никогда и никуда. А сам он частенько исчезает (прикинь, Танюхе билеты достали, и мы с ней в кино ходили на закрытый показ, Ленка меня позвала, у нее паханов дома не было, у Артура дома «пулю» писали). Он вроде занимается сразу несколькими видами спорта (фехтование, бадминтон), но главное – прекрасно играет в преферанс во все более взрослой и серьезной компании.

А потом он оканчивает школу и «случайно» поступает в хороший институт (чувак, я вообще не знал, куда идти, ну, открыл брошюрку, ткнул пальцем в факультет этого института, у меня медаль, сдал один экзамен, сам не знаю, как они меня взяли). Учится всё также – легко и просто.

Ну, ты тоже учишься в институте... шатко-валко. И как-то случайно, уже на предпоследнем курсе, на отработке лабораторных, знакомишься с девчонкой. Даже удивительно, с какой симпатичной девчонкой – Валеи... милой, родной Валеи...

Практика у него всегда происходит на кафедре (никакого села), а после окончания он вроде и устраивается на работу, но почему-то сидит целыми днями дома. Однажды он сообщает, не очень старательно делая вид, что по большому секрету:

– Понимаешь, мне такое место предложили. Я вроде как в постоянных командировках. Мне платят зарплату, командировочные и премиальные – я никуда не езжу. Половина зарплаты – мне, остальное, а также командировочные и премиальные – моему начальству... ну, и кому-то там еще. И делать ничего не нужно, только сидеть дома и не попадаться на глаза, приходиться только в получку.

– А на жизнь хватает? – это спрашиваешь ты.

– На жизнь... я зарабатываю не этим, – чуть усмехается он, – я играю. Вот за этим столом, – он показывает на шаткий круглый стол, когда-то полированный, с множеством темных лунок от сигарет. – Здесь, старик, идет такая игра... такие шальные бабки... такие люди приходят...

Квартира осталась ему от бабушки. Над выдавшим виды пыльным диваном – стена с ободранными обоями, и на ней, до самого потолка – какие-то непонятные каракули.

– А это, – он продолжает экскурсию, – «стена полового почета» – женщины, побывавшие со мной, ставят тут свои подписи (может, он шутит?).

Вот видишь, уже почти места над диваном нет, будем переходить туда – ближе к буфету... Они тут у меня и убирают... иногда.

Похоже, не шутит.

Я подхожу ближе и тупо смотрю на эту стену, на эти «каляки-маляки». И одна из подписей так ужасно напоминает... нет, не может быть, чтобы это была Валина подпись. Как она может оказаться здесь на этой задрипанной стенке, в чужой, прокуренной до невозможности комнате... доставшейся ему от интеллигентной бабушки Раи?

Я помню его бабушку Раю, сидящую за этим самым столиком в аккуратном темном домашнем платье. Перед ней чашка вечернего чая, маленькое блюдечко с вишневым вареньем и раскрытая книжка Андре Моруа.

Тут никак не может быть Валиной подписи.

«Садитесь, попейте чаю», – всегда на «вы» говорит мне бабушка Рая.

Нет, только не Валина подпись. Но я знаю уже, что – Валина, Валькина...

– Где ты с ней познакомился?! – ору я ему, и он от неожиданности хлопается на этот проклятый диван, а я хватаю здоровенную... что я хватаю? На столе стоит тяжелая хрустальная... то ли ваза, то ли пепельница – это тоже осталось от бабушки Раи. И бью его по... он закрывается руками... я бью его... он закрывается. Я попадаю по голове, может быть, в висок. Он сползает с дивана на пол... и темное густое красное варенье – тоже на полу. И я думаю все время, чем я буду вытирать это варенье с пола, с дивана, с забрызганных ножек стола, со стены «полового почета». И, ничего не вытирая, я убегаю оттуда. И никто не знает, что я был в этой прокуренной комнате. И, пока вечером к нему не придут его карточные друзья, никто ничего не увидит. Но и потом – никто ни о чем не догадается и никто меня не заподозрит.

И с ней я больше не увижусь, и очень скоро уезжаю по распределению. Далеко. Она будет мне писать, много раз – я буду, не распечатывая, выбрасывать ее письма. И потом кто-то из знакомых напишет мне про нашу мезимую на весь город историю: что у него в квартире собиралась нехорошая компания, и они, видимо, поспорили о чем-то во время карточной игры, и его у... Короче, какой ужас, такой был удачный парень, вот что значит – плохая компания. А где она, никто из знакомых не знает. Потом, правда, кто-то рассказывает, что ее видели: она замужем за слесарем. Нет, электриком городского трамвайного депо. И мне всё видится эта стена – в синих подписях и вишневых брызгах.

Ерунда. Ничего этого не происходит.

То есть, происходит... его рассказ, и «стена полового почета», и знакомая подпись, но я просто мычу что-то про то, что пора идти, и меня ждут – и ухожу. Вечером она приходит ко мне на свидание, на наше обычное место на трамвайной остановке. И я, вместо «привет», с размаху бью по ее очень красивому лицу. Рядом кто-то кричит, охает, зовёт милицию. Я, молча, поворачиваюсь, сажусь в подоспевший трамвай и навсегда уезжаю... Да, навсегда уезжаю. Иду служить в армию – на год (я же окончил институт),

лейтенантом. А после «дембеля» работаю далеко от дома и возвращаюсь в родной город на пару дней каждый год, чтобы только повидать родителей. И что с ней, что с ним происходит – я никого не спрашиваю, не знаю и никогда не узнаю. И случается Чернобыль, и я командую ротой ликвидаторов. И я вижу, как растёт другая стена, как прячут за ней взорвавшийся реактор. Получаю хорошенькую дозу и сильно болею всю свою недолгую оставшуюся жизнь. И нет у меня жены, нет детей, нет ничего... Точка.

Нет, и не так.

Я не говорю ему, что узнал её подпись, и через полчаса просто ухожу из полумрака его старой бабушкиной квартиры. Я молчу и думаю, думаю и молчу. Вечером Валя приходит ко мне на свидание – и всё, как обычно. Кажется, в этот вечер мы идем в кино. Только я много думаю. Какой-то ты стал молчаливый, о чем ты думаешь? Но проходит немного времени, и мы женимся, и проходит еще немного времени, и появляется наш сын, потом второй, и мы работаем, и дети растут. Иногда я слушаю, что она говорит, иногда – нет. Он у меня такой молчун. Да, скуч-но-ва-то, но я привыкла... нет, я просто шучу. Он никогда не обижается. Ты же, правда, не обижаешься? Он много работает, старается, мы даже в Турции были этим летом.

И как-то я его встречаю, мы здороваемся, он цепляет меня под руку прямо посередине людной улицы и отводит в сторону, к стене дома на Садовой, где новая чайная в модном парадно-деревенском стиле. Он почти такой же розовый, но озабоченный, и долго рассказывает про свои разнообразные начинания. Мы стоим, я рассматриваю шершавую серую стену дома за его спиной. И еще, сквозь стекло, какую-то парочку за круглым столиком в чайной. Они намазывают булочки джемом и прихлебывают из высоких керамических кружек. Вот, знаешь, чувак, мотаюсь, с таким трудом поменял квартиру, берлогу эту, делаю ремонт, да, играю, но закрутил одно новое дело, сейчас столько всего, везде столько шальных бабок, просто валяются под ногами, надо успеть, успеть, волка ноги кормят... Есть, опять молоденькая, дурная... А как ты? Дети, жена?.. И ты всё там же? Дачку построили? Отдыхали в Турции? Да ты – счастливчик, ты – просто беззаботный счастливчик! Ну, как можно не завидовать такому человеку?.. Может, зайдем, выпьем? А-а, здесь только чай...

Чикаго, 2009

Анна Чистякова

Родом из Лодейного Поля. Стихи начала писать с 13 лет. В 2005 году окончила кафедру внепрофильной подготовки Военной академии тыла и транспорта и получила диплом социального психолога. В 2008 году получила вторую специальность и стала культурологом. В настоящее время живет в Ярвенпя. Первая и последняя публикация - в 2004 году в районной газете «Лодейное Поле».

Затаённая, топкая, дикая
 Насторожилась: "Ну же, не тронь!"
 Частым ельником пыжится, кликая
 Козодоями... Мямля-Чухонь...

Триединая, обликом робкая...
 Край отшельников, пустынь тихонь...
 По болотам петлявою тропкою
 Обойти тебя можно, Чухонь!

Пригорюнилась дрёмою горькою,
 Под годами упала ничком...
 Помнишь девочку – засветло, зорькою
 Выбегала к тебе босиком?

И в полях утопала, считаячи,
 Что глаза её небом полны...
 И искала, плутая по-заячьи,
 Плесневелые валуны?

Журавлей провожала по осени -
Огорчённая мятым платком
Всё махала курлышкам в просини...
Сердце рыпалось за косяком?

Вся в озёра твои заглядела,
На волну – за волной - до волны,
Я вернулась... пусть волосы - белые...
Но глаза снова небом полны!!

Мария Розенблит

Мария Алексеевна Розенблит (1943 г.р.) родилась и выросла на Украине, под Киевом. Образование – неоконченное высшее. Основная профессия – культработник. С 1969 года проживает в Таллине.

Литературой увлекалась с юных лет. Ее очерки иногда печатались в районных газетах. До переезда в Таллин (1969 г.) работала культработником в Доме творчества писателей «Коктебель», пос. Планерское в Крыму.

С 1992 года ее творчество связано с литературным объединением при Организации Русских литераторов в Эстонии.

Печатала стихи в коллективных сборниках: «Всполохи» (Таллин, 1998 г.), «Тропы» (Таллин, 2000 г.), «Блики» (Таллин, 2001 г.), «Свидание» (Таллин, 2003 г.), «Соцветие» (Таллин, 2007 г.), а также в журнале «Радуга» (Таллин, 2004 г.).

В 2004 г. издала сборник стихов и прозы «От весны до весны», в 2008 г. – сборник рассказов «Колыбелька из ивовых прутьев».

В 2008 г. получила 2-ю премию в интернет-конкурсе русской поэзии, проводимом Целевым капиталом поддержки «Русская культура» (С.-Петербург) для стран Прибалтики и Северной Европы.

Короткие гудки

Кода-то у неё было много друзей, знакомых... Кого уж нет, а те – далече. Да ей и не хотелось никого видеть. Даже себя, особенно в зеркале. Оттуда на нее смотрели выцветшие от времени глаза незнакомой старухи. Цвет лица удивительно напоминал рыбе брюшко. Если это видеть каждый день – жить невозможно. Поэтому она старалась не видеть. Вот говорить еще хотелось. Ей казалось, что ее голос остался таким же, как много лет назад – звонким. Конечно же, ошибалась, но так было легче.

Говорить было не с кем, и она, с нетерпением ожидая конца рабочего дня у сына, каждый вечер звонила ему. Сын жил со своей семьей и не в её жизни. Но

это был её сын – итог её существования в этом мире. К разговору она всегда готовилась. Не глядя в зеркало, причёсывалась, подкрашивала губы. Вместо потертого халата надевала строгий костюм. Удобно садилась возле телефона и набирала номер. Небрежно, как ей казалось, бросала первую фразу:

– Привет, сын!

Услышав ответ, старалась не дышать, чтобы не пропустить ни одного слова. Их было не много:

– А, привет, маменька! Ну, как вы там?

Его ласково-ироничная манера, нарочито отдающая стариной, была ей дорога особенно. В этом месте она делала маленькую паузу. Пусть его голос подольше звучит... Потом отвечала:

– У меня все хорошо. Как вы все? Здоровы?

О, как много ей бы хотелось услышать! Со всеми, такими восхитительными, подробностями, да в лицах! Но в ответ звучало:

– Ты что-то хотела? По делу звонишь? Может тебе денежек подбросить?

В этом месте она отвечала без паузы, честно:

– Просто так звоню. Ничего не надо.

Насчет «ничего не надо» было не вполне честно. Надо было ей очень много – всю жизнь, которая удалялась. Но об этом она молчала и слышала:

– Тогда извини, я сейчас занят.

Короткие телефонные гудки злобно вонзались иголками в ухо. Потом ими наполнялась вся голова. Это ещё хуже, чем смотреть на себя в зеркало. Но она стала хитрее. Отводила трубку подальше от уха и начинала громко говорить. Так гудков почти, что не слышно. И она продолжала:

– Сынок, со мной сегодня интересное приключение случилось. Представляешь, покупаю хлеб, а впереди меня старушка тоже покупает. И у неё не хватает денег расплатиться. Мне так жалко её стало. Говорю ей, что заплачу за неё, и кладу сотенную купюру на прилавок – это всё, что у меня оставалось до пенсии. Продавщица положила сдачу, и, пока я прятала хлеб в сумку, эта бабуля, видимо по рассеянности взяла свой хлеб и мою сдачу и исчезла. Мне только мелочь осталась. Так что я больше покупок не делала... Нет, мне денег не надо. У меня все есть. Ну, все, сын, заканчиваем. А то ты меня заговорил совсем! А у меня еще много дел. Целую всех!

Она забылась и приблизила трубку к уху. Иголки гудков притупились и уже стучали молоточками. Она быстро нажала кнопку, и стало тихо. Из ее «многих» дел было только одно – постараться уснуть, что не всегда удавалось. Особенно сегодня. После того, как осталась без денег, она шла, всматриваясь в лица прохожих. Надеялась встретить старушку, которая взяла ее сдачу. Ведь денег совсем не осталось. А до пенсии еще несколько дней. Переходя улицу, чуть под машину не попала. Водитель в последний момент затормозил. Ох, и ругал он ее! Матерно! Хотя с виду – интеллигентный. А в конце ещё злобно бросил:

– Тебе, бабуля, уже не ходить, а лежать надо давным-давно. Сама догадываешься, где!

Она догадывалась, но не хотела. Ведь она ещё каждый вечер может звонить сыну и слышать его голос. После получения пенсии, телефон она оплачивала в первую очередь.

А теперь, когда она придумала эту маленькую хитрость с телефоном, жизнь казалась ей нужной и интересной.... Но главное – ежедневно слышать голос сына.

Ну конечно же, он очень занят. Молодым сейчас ой, как трудно! Труднее, чем когда-то было ей.

Пусть он только произнесет хотя бы одну фразу, а дальше занимается своими делами. Она так думает, что со временем гудки вообще перестанут ей мешать. И она будет говорить обо всем, что так важно для нее. Потому что старость с каждым днем занимает всё больше пространства в её квартире. Надо же, до зеркала добралась!

Но пока ещё есть немного времени. И она будет каждый вечер звонить, чтобы слышать родной голос и научиться не слышать короткие гудки.

Татьяна Туманова

Родилась в Смоленске, окончила Ленинградский политехнический институт. Кандидат химических наук. В настоящее время живет в Челябинске. Публикации – четыре поэтических сборника и повесть "Тангрид".

Не возвращайтесь в прошлое

Не возвращайтесь в прошлое, не надо!
Хорошее, плохое – всё равно...
С вершины лет направленному взгляду
Всегда другим покажется оно.
Не приезжайте в те места, где жили,
Где ваши детство, юность пронеслись.
Под слоем невесомой звёздной пыли
Лишь пепел времени и прах пустой земли.
Всё изменилось – улицы, дороги,
Дома состарились, иль вовсе снесены...
Вас только может встретить на пороге
Лишь отраженье детства и весны.
Давно ушли все красочные сказки,
И время нам не повернуть назад
Промчалось лето жизни. Осень краски
Теряет тихо. Близко снегопад.
И то, что в памяти хранилось дорогого,
Исчезнет в ностальгическом бреду.
Ничто не может повториться снова,
Я дважды в ту же воду не войду.

Невозможное рандеву

В трудный час я тебя позову,
Хоть не ведаю, где ты живёшь.
Это наше с тобой рандеву,
Пусть ко мне только в мыслях придёшь.
Разопьём мы с тобою вино,
Вспомним старых любимых друзей...
Мы не виделись очень давно,
Ты расскажешь о жизни своей.
Наша память вернёт мне тот час,
Аромат тех промчавшихся дней.
Разбежалась дорожка у нас
Не сойтись уже вместе на ней.
Не исправить ошибки свои
И не сделать другой поворот.
Только память навечно хранит
Всё, что юность беспечно даёт.

САТИРА И ЮМОР

*Посмотрим, насколько открыт журнал для
посторонних мнений отнюдь не постороннего
автора.*

Из сопроводительного письма к напечатанному
ниже тексту.

Всегдарь Хотеев

Лишность целомудрия

Печатается в авторской редакции

*...Для чего ж, ежели подъячие открыто говорят
о взятках, лихоимцы о ростах, пьяницы о
попойках, забияки о драках, без чего обойтись
можно, не говорить нам о вещах необходимых...
Лишность целомудрия ввела сию ненужную
вежливость, а лицемерие подтвердило оное, что
заставляет говорить околично о том, которое все
знают и которое у всех есть.*

Иван Барков

Должен признаться сразу, что в реальности я не существую. Вещаю из, так сказать, виртуального мира. Но к земным делам равнодушен. Да они из наших бесплотных пределов как-то даже виднее. Я, то бишь Всегдарь Хотеев, персонаж насквозь мифический. А выдумал меня некий Р. Винонен, чтоб ему пусто было. Втиснул в книгу «Игривый гриб», сопроводил напутствием из Ахматовой – стихи, дескать, должны быть бесстыдными – а сам против своего же обыкновения даже фото моего не приложил. Впрочем, это и правильно. Ибо кто же несуществующего сфотографирует? Однако приписал мне массу пороков, представил публике этакое эротомана с одним делом-телом на уме. Да ещё с претензией на звание поэта. Одним словом, слепил из меня пародию. Ну, и сыскался на мою голову язвенник от пародийного жанра Соломон Кагна, не признал родственника и на страницах ихнего журнала «Иные берега» прямо-таки задолбал. Из бывших, говорят, боцманов. А папаша мой, перо ему в душу, на хулу не обидчив, и мне тоже реагировать не велел. Но я же не только за себя скромного Хотеева в ответе, а и товарищи мои бесплотные попали как бы в прецедент. Хотя мы у себя на небесах с Козьмой Прутковым и

прочими фантомами считаем, что современной поэзии (не путать с агрессивной сексуальностью Интернета и СМИ) ощутимо недостаёт именно эротического начала. Ведь порою, не прочтя фамилию, просто не понять, чем располагает автор ниже пояса-то. Никого не любит, кроме родины.

А я тоже патриот. Мужеского пола. Чем и привлёк особое внимание. Но нет худа без добра. Во-первых, пиар, даже если чёрный, всё равно пиар. Во-вторых, пиарщик понудил задуматься о природе и назначении столь тонкой штучки, как пародия.

Многие наивно полагают, что пересмешнику достаточно отыскать у автора пару малоудачных строк – и повод уязвить готов. Но вот пример вопиющей безнаказанности – стихи, посвящённые любимой женщине на тот случай, если бы она сломала ногу:

*Краса красот сломала член
И вдвое интересней стала.
И вдвое сделался влюблен
Влюбленный уж немало.*

Чем не шедевр графомании? Но его прочли миллионы, и никому в голову не пришло метнуть стрелу в эту голую мишень. Один сломанный член чего стоит. А «влюблённый уж»? В зеркале карикатуры так и видится какая-нибудь похотливая гадюка. Однако ни одна близко не подползла. Почему? Отнюдь не потому, что оригинал в ряду подобных принадлежит перу Ф. М. Достоевского. А потому, что это чистая, как бриллиант, па-ро-ди-я на поэтические упражнения литперсонажа Игната Лебядкина. А пародировать пародию никто ещё не додумался. Это как бичевать ветер. Наш Соломон в этом деле пионер. А мне, Хотееву, в компании Лебядкина, Пруткова и других насельников параллельного мира ни жарко, ни холодно. Что нам, бестелесным, розги? И за своего отца родного Р. Винонена, озорника такого, я спокоен, как и за Ильфа с Петровым, коих не поволокут же в суд за проделки их отпрыска Бендера.

Обидно, конечно, что Соломоновой мудрости не хватило на то, чтобы разделить ответственность между ответчиками. К. Чуковский, например, в своё время догадался, что «Несерьёзные рассказы» Саши Чёрного принадлежат не ему, но созданному им персонажу. Кто-нибудь где-нибудь видел пародию на Сашу Чёрного? Правильно: нет, ибо нутром переваренного – не едят. И моя особа в таком разе неприкосновенна. А наш зоил даже простую, прекрасную фамилию Хотеев исказил (пардон за рифму). Впрочем, и себя удостоверил, выступив от имени какого-то занудного Озабоченцева. Однако пусть, не жалко. Фамилия-то дармовая, от отца-благодетеля, а у него их много. Запаслив чертяка. Так что я, Всегдарь Хотеев, имею и двоюродного брата, рождённого по милости того же негодяя Р. Винонена в книге 2009 года «Вирши простака». Редакторская аннотация к ней даёт наводку и на другие личины закоренелого лицедея: продолжает «лирическую иронику», которая

своеобразно прозвучала в книгах «Хрен с редькой» (2002), «Рубаи от Ибрагима» (2005), «Игривый гриб» (2007).

Так что удачи карикатуристам!

Между прочим, у себя в виртуальных сферах мы, литперсонажи, тоже состоим как бы в членах легитимного творческого союза. И не абы кого в свои ряды принимаем. Прежде спросим: а покажи-ко, братец, как ты работаешь с подлинниками вполне реальных авторов – ну хотя бы того же альманаха «Иные берега»? Вот, к примеру, в поле зрения пародиста попали стихи отнюдь не бесталанной Людмилы Кирппу. Он, понятное дело, проходит мимо лучшего в большой подборке её лирики и ставит в эпитаф половинку неприятельного стихотвореньца:

*Дождь за окном...
Опять непогода –
Осень прислала своих атташе.
Жёлтые листья штампует природа
На въезд многократный к уставшей душе.*

Всякое подражание – хоть всерьёз, хоть в насмешку – начинается с прочтения. Что же мы тут вычитываем? Одно и главное – образ, какого ни у кого, кажется, доселе не встречалось: многократно падающие листья, вроде как выдаваемые визы на въезд в осень. Отсюда и элегический настрой лирической героини, по эмигрантской своей судьбе имеющей «визы» в ближайшем круге ассоциаций. А вышутить можно всё – хватило бы только остроумия. И вот оно:

*Осень прислала своих атташе.
Кошки скребут у меня на душе.
Может, мне скушать пару буше?
А то всё время сижу на латше.
Всё вдохновение – в карандаше,
Буду писать теперь как Бомарше.
Всё-таки надо кого-то шерше
На въезд многократный к уставшей душе.*

Игру на одной струне-рифме, подобно акыну Джамбулу, для пущего сарказму нетрудно бы и продолжить. Осень штампует, а где же клише? И почему ничего о рыбке-ерше? А как насчёт Ленина в шалаше? Желательно в неглиже. Не помешает и Беранже, хотя Бомарше по звуку ближе.

Только вот какое отношение сие нанизывание словес на карандаш имеет к замыслу и строю стихов? Каждое из однообразных созвучий уводит в сторону от чётко очерченного поэтического содержания в оригинале. Совершенно

неузнаваема и манера письма, которую зубоскал хочет поднять на смех. Ха-ха! Пощекочите меня, а то не смешно.

Кагне же смешными кажутся даже вполне вразумительные тексты. Скажем, строфа знаменитого нашего живописца, замечательного прозаика, искреннего поэта, обращённая к родному, неотделимому от него Питеру:

*Моя судьба и этот город
Смешались на семи ветрах
На невских роковых просторах
Великой волею Петра.*

Какую манию величия усматривает здесь пародист, пища:

*Моя судьба – всего превыше,
Смешалась на семи ветрах?*

С чем она смешана в «пародии», поди пойми. Не органическое ли имеется в виду вещество, с коим насмешник силится смешать поэта? Иначе не понять последующих строк:

*Мяукают коты на крыше
Великой волею Петра.*

А ведь кинутый в чужой огород камешек рикошетом стучит и по крышке гроба государева: чем-де увенчаны труды градостроительные? Кошачьей музыкою с крыш! Слов нет, забавен кошачий оркестр, управляемый «великой волею Петра». Но при чём тут Ряннель, у которого на семи ветрах отнят весь «приют убогого чухонца»? В обмен на Сибирь. Жаль, Пётр Алексеич из могилы покарать балагура не встанет. Зато не идущие к делу (стилю подлинника) «коты» у Кагны всегда наготове. Их он волен совокуплять с кем угодно – да хоть бы с Пушкиным самим:

*Красуйся, град Петров, и стой...
Коты мяукают на крыше.*

Но воздержитесь, Александр Сергеич, от вызова на дуэль – у каждого свои впечатления...

Да что нам Пушкин, когда боцман на самого родителя моего богоданного покусился. 70 лет тому стукнуло, и вот в «Спектре» по этому случаю писатель один, добрая душа, малость по юбилейному делу перехвалил коллегу: мастер, которому по плечу, я убеждён, любой поэтический жанр. Прямо-таки под Окуджаву спел: давайте, мол, говорить друг другу комплименты. Может, по знакомству, «по благу» Л. Корниенко так расщедрился или позаимствовал

хлётский вывод у московского критика А. Ермаковой (с коей папаша никак не знаком), наивно тиснувшей несколько лет назад в журнале «Дружба народов» нечто возмутительно похожее: нет сомнения, что автору по плечу любая техника. Ишь, какие доброхоты. Но Кагна начеку. Как всегда без затей на своей страничке примкнул к поздравлениям: какую бы чушь вы ни написали, всегда найдутся дураки, которые будут кричать, что это гениально. Немудрящий метод пародировать, как бы его определить понаучнее? Кагнизм, что ли? Ну, да папане, таракан ему за пазуху, встряска полезна. Привык, понимаешь, годами на положительных отзывах оттягиваться, ан критики-то многочисленные оказались по всей России сплошь дураки. Заодно, стало быть, и газете, дураков печатающей, выпала честь отметить.

Я, откровенный Хотеев, хоть и не лирик Винонен, но и сатирик не из озабоченцевых. Зачем же мою-то фамилию драгоценную трогать? (Удивительно, что зная финский, полиглот фамилию поэтессы Кирппу не перековал в Блоху. Вполне бы в духе дразнили, легко переходящего с текста на личности.) Кстати, вниманию всех озабоченцевых: ежели дойдёт у вас черёд и до Лебядкина, то не упустите из виду, что в придуманной Фёдором Михалычем фамилии содержится полный набор звуков и букв для вполне матерного слова.

В альманахе же имеются странички юмора, заполняемые преимущественно Соломоном. Удосужился как-то спросить своего богоданного родителя РВ, будь он неладен: не много ли там у вас этого Кагна? Ответ был: если, мол, учесть, что тот выступает и как прозаик доморощенный, и как Председатель писательского объединения, а по совместительству ещё и в качестве главного редактора, то при оном раскладе на выходе не так уж много их, выделений творческих. Качеством ударяет по вкусу и обонянию, охальник...

А лучшим, на мой хотеевский взгляд, современным пародистом был поэт Юрий Левитанский. Леонида Мартынова у него не спутаешь с Беллой Ахмадулиной. Можно и не называть пародируемых имён – настолько мастерски передан стиль всех любимых поэтов. Ведь пародия сродни художественному переводу – вершится по любви. Кагна же, как это видно по его экзерсисам, берётся за дело из неприязни. Малоперспективное занятие! И здесь, в потустороннем мире, мы в свои вечные ряды такого не примем. Вот рядом со мной строгие судьи – Франсуа Вийон и Ваня Барков. Первого поняли только через века. Как пишет современный исследователь, романтики не заметили в Вийоне его важнейшей черты – пародийной ироничности. По отношению к этому качеству Кагна – несомненный романтик. Всё, над чем мы тут смеёмся, принимает всерьёз. Поэтому и нацелен, говоря по-ленински, на срывание всех и всяческих масок. А Барков там в вашей реальности и донныне слывет за нахала и грубияна. Оно, конечно, не без того. Между тем в сборнике своих и чужих виршей «Девичья игрушка» он прямо уведомлял: ...здесь сии пороки осмеяны, а потому, ни превосходя, ни восходя степеней благопристойности, ты будешь разуместь оную, когда в то ж самое время,

невзирая ни на что, козлы с бородами, бараны с рогами, деревянные столбы и смиренные лошади предадут сию ругательству, анафеме и творцов ея.

Вот оно как! А то ведь романтикам-овнам до сих пор невдомёк, что Вийоны, Барковы, Прутковы (и примкнувший к ним аз грешный Всегдарь) суть творцы нравственности – от противного. Их пародии журчат в иных берегах. Здесь ухмылка и неприязнь не заменят необходимых пародисту стиливого чутья и простого чувства юмора. Так что, уважаемые, будьте бдительны: кагнизм!

Засим остаюсь ваш, благополучно в нетях обретающийся

Всегдарь Хотеев

Соломон Кагна

Пародии

БЛАГОДАРИЮ СУДЬБУ

Я не стремился в гости к Посейдону...

.....
*И над скалою сам Иисус Христос,
 Широким жестом мир благословляя,
 Стоит над морем пенным в полный рост,
 Свидетелем бессмертия являясь!*

Тойво Ряннель, почётный академик
 Петровской академии наук и искусств.

Лики богов

*А ведь брошенный в огород моего подзащитного
 камень рикошетом стучит по крышкам гробов
 поэтических, исторических и религиозных
 авторитетов нашей Цивилизации!*

Апологет поэтического творчества Почетного Академика

*А ведь эта кляуза на меня кладёт также пятно и на
 всех таксистов нашей необъятной Родины!*

Из объяснительной записки водителя такси
 по поводу жалобы клиента

*Смешав Христа и Посейдона, Не получил я
 Купидона...*

Из сборника «Эклектизм – на службу
 стихотворству!»

Я не стремился в гости к Посейдону,
 Мне лучше бы хотелось к Купидону.
 Ну до чего же я поэт великий,
 В стихах моих богов мелькают лики!

Стоит у моря сам Иисус Христос,
 Свидетелем бессмертия являясь!
 Бессмертия чего? Стихов моих, конечно!
 Ведь, Бог свидетель, жить им вечно!

И я стою у моря как Христос,
 Благодарю судьбу за дар священный,
 Я много накопал стихов,
 Поэт я всё-таки отменный!

*Беззвучие этой ночи
 Мне не даёт заснуть.
 Я не знаю, чего ты хочешь,
 И поэтому просто будь.*

Соблюдаю запрет на движение...

.....
*На границе несоединенья
 Живу.*

Растворяюсь в безмолвии ночи.

.....
*Мой попутчик, осталось не очень...
 Впрочем, это не важно...
 Будь...*

Татьяна Кивинен

Запрет на движение

Сценка в купе спального вагона

«Леди не движется», – одно из средневековых предписаний, регламентирующих супружеские отношения.

Соблюдаю запрет на движение –
 Ведь «леди не движется»!
 Но как хочется для единенья
 Ближе придвинуться!

На границе соединенья
Я вся дрожу!
Но я – леди! И без движенья
Пока лежу.

В беззвучии этой ночи
Я постараюсь заснуть.
Разбуди, когда ты захочешь,
А до этого здесь побудь.

Почему ты ещё не хочешь?
Скажи, ответь!
В безмолвии этой ночи
Нельзя не хотеть!

Растворяюсь в беззвучии ночи,
Но бессонница давит на грудь...
Мой попутчик! Ты что-то не очень...
Не пошёл бы ты... Дай мне заснуть!

ДЕТЯМ И О ДЕТЯХ

Читателям, большим и маленьким!

В журнале «Иные берега» открывается рубрика «Детям и о детях» под названием «По –читай – ка». В своей жизни человек, прежде всего, должен чтить своих родителей, а учиться у книг. Первые дарят нам жизнь, вторые – учат духовности. Авторы рубрики поведут разговор о природе, семейных ценностях, русском языке – нашей родной речи, познакомят с миром детских сказок и переводами из финской детской литературы. В разделе «Литература детям» юному читателю следует обратить внимание на подсказки, что надо делать. А его родители в разделе «Литература о детях» смогут найти отклик на свои наблюдения и мысли. Главное – быть вдумчивым и никуда не спешить. Такое чтение рубрики будет не только приятным, но и полезным. В добрый путь, дорогие читатели!

Рубрику ведет Леонид Корниенко.

Отзывы, предложения и материалы для публикации присылать по адресу: leonid112@mail.ru

ПО — ЧИТАЙ — КА

Чти отца твоего и мать твою, да благо тебе будет, да долголетен будешь на земле.
Ветхий Завет, книга «Исход», гл. 20.

Чтение – вот лучшее учение!
А.С.Пушкин

Литература детям

Прочитай маме.

Алик Витин
(Кировоград, Украина)

Весна

В небе встали синие разливы.
Солнце ласково коснулось щек.
Тучи в небе расчесали гривы,
Стали словно белоснежный шелк.

Тихо теплый ветерок повеял
Трепетным дыханием весны.
Возле дома лес стоит, синяя.
Побежим туда искать цветы?

Прочитай с мамой.

Роберт Винонен
(Хельсинки, Финляндия)

Дождь говорит:

Не прячусь я от грома,
Иду себе, иду.
Я дождик, я как дома
И в поле, и в саду.

Люблю побарабанить
По крышам и зонтам.
Останутся на память
Вам лужи там и сям.

Пройду, пройду как не был,
Но в лужах от меня
Увидится вам небо,
Откуда родом я.

Алексей Ланцов
(Сало, Финляндия)

Деревья крылаты, как птицы!
Зима отзвенит, а весной
Взлетят они (чудо случится!)
И землю поднимут собою!

Прочитай сам

Лариса Кларина
(Хельсинки, Финляндия)

Лоза и коза

Росла на горочке лоза,
раскинув веточки.
А к ней — незваная коза
да козьи деточки.

— Здравствуйте!
А мы к вам!
Вся козья рать,
попрыгать по верхам
да поиграть.

Согнулась гибкая лоза,
не может возразить.
Над виноградником гроза.
Напрасно слёзы лить.

Прыгали, лазали
да по вершкам.
Осталось от лозы
два корешка.
Вот так...

Была богатая лоза.
 Была рогатая коза.
 Ох, завидущие глаза!
 Да, знамо дело, дереза.

Ах, влюблена в лозу коза.
 Но не живёт с козой лоза.
 Козу держите во дворе.
 А виноградник — на горе.

Ограду надо, знамо дело,
 и для козы, и для лозы.
 Вот так...

Прочитай и перескажи друзьям.

Лев Микаэлов
 (Ювяскюля, Финляндия)

Лесной зверинец.

Уже много лет каждую весну, чаще в начале мая, я с семьей и нашими друзьями выбираюсь на природу, на пикник, где мы жарим гриль, ведём душевные беседы и наслаждаемся первым, еще зябким, весенним теплом.

Этой весной мы поехали на небольшое лесное озеро близ Ювяскюля, запрятанное в лесу от дорог, домов, людских глаз и прочих признаков городской жизни. Присмотрев подходящее и безопасное от огня место на берегу, мы поставили гриль и начали располагаться. День выдался замечательным: солнечно, лёгкий ветерок играет со случайными облаками, растворяя их в дымку, тишина, ни души...

Это нам так сначала показалось – ни души. На самом деле наше «безлюдное» место оказалось вовсе не таким уж необитаемым.

Первой приплыла водяная крыса – ондатра. Можно сказать: явила себя сквозь чёрную толщу озёрных вод и основательно напугала женскую половину нашей компании. Ондатра, совершенно нас не боясь, подплыла к берегу, метрах в двух высунула из воды тупую лохматую морду и уставилась на нас. Затем поплыла вдоль берега. Вдруг вернулась к нам, будто позабыла что-то важное, опять уставилась... Поплыла в обратном направлении, снова вернулась к нам. Во всех её действиях было что-то озабоченно-недоумённое, словно зверёк хотел спросить: «Ну вот, забыла, в какую сторону плыть, направо или

налево? Помню, что плыть надо, а в какую сторону, не помню... Вы не подскажете?». Не получив от нас никакого дельного совета, зверёк решился: «Будь что будет, поплыву вниз!». И нырнул в черную толщу озерных вод по своим ондатровым делам.

Следующими обитателями стали лягушки. Никогда бы не подумал, что они бывают так любопытны! Сразу три крупных лягушки... Нет, правильной будет – жабы... Причём, одна из них притащила на спине своего детёныша – жабёныша... Так вот, приползли по сырому берегу прямо к нам. И выпучили четыре пары круглых глаз на наш пышущий жаром гриль. «Та-ак! Эти устроились в партере цирка посмотреть представление,» – подумал я. Они и сидели так несколько минут, таращась на нас, двуногих... Дальше – больше!

Откуда-то из глубины озера, по-шпионски тихо, без типичного кряканья, приплыли две дикие чёрные утки. Описывая медленные круги, постепенно приблизились, заняли по отношению к жабам бельэтаж. Быстро освоюсь, стали нырять, крякать-калякать о чём-то по-своему, не отплывая далеко от нас.

Я отошёл немного в сторону понаблюдать за новыми знакомцами...

И вдруг откуда-то сверху, с дерева, посыпались иголки, чешуйки и бог знает ещё какой лесной сор, да прямо мне на голову, да за шиворот! «Ну, вот тебе, здрасьте! Кто это ещё там!?» – задрал голову, воскликнул я. Ну, конечно, на дереве, как на галерке, сидела белка! Без всякого страха, нахально, в упор, она рассматривала меня чёрными бусинками глаз: «Хм, человек. Какой уродливый! Никогда бы не подумала! Орешек дашь? Нет? Ну ладно, побежала», – примерно это прочёл я во взгляде шустрого грызуна.

Вы наверняка были в Хельсинки, в зоопарке Коркеасаари? Там люди глазуют на разных животных, утоляя своё человеческое любопытство: а какие они? Здесь, в лесу, у лесного озера, все получилось наоборот: обитатели леса с любопытством рассматривали нас, людей, как питомцев лесного зверинца, странных и непонятных.

Вот как бывает! Не верите?

Литература о детях

Вера Пауданен (Хельсинки, Финляндия)

Девочка играла в дочки-матери, –
Шила кукле розовый чепец....
Но в игре настойчиво, старательно
Не упоминается отец....

Леонид Корниенко
(Сало, Финляндия)

Проповедь

1.

В лагерь летнего отдыха, размещенный в школе одного приморского городка на юге Украины, приехали американцы-проповедники.

Половина детей в лагере – интернатовские. Худенькие, коротко остриженные, в мешковатых, напыленных чужими руками одеждах, они отличались неприкаянностью (словно и вместе, но все равно – каждый сам по себе) и жадностью к зрелищам.

Их, видимо, потому и собрали перед помостом для встречи с американцами.

Американцев было четверо. Ведущий – высокий улыбчивый очкарик в красной рубашке и с приятным для слуха акцентом. Белокурый остролицый парень – гитарист. Лысый толстяк в очках и фиолетовой майке. Женщина-инвалид в брюках, сидевшая в складывающейся коляске. Пятой была переводчица.

Стоя на помосте, как на маленьком островке, окруженном толпой притихшей детворы, американцы повели необычный разговор о Христе.

2.

Сначала ведущий был краток и скупен, говорил собравшимся привычные слова о любви к ближнему, о спасении души. Дети их хорошо знали, и потому скоро перестали слушать. Усилился шум. Но вот после очкарика остролицый парень заиграл на гитаре. Американцы слаженно и мелодично запели. И внимание детей сразу обострилось.

Музыка во все времена сопутствовала церковной службе. Она и созывала. Она и утешала. Она и заглушала крик жертвы. Ей всегда приписывались магические свойства. Она придавала службе стройность и последовательность. Но самое главное, если она была талантливой, – она не фальшивила! Нигде и ни в чем!

В пении американцы оказались такими. Это и протянуло незримую связующую нить между американцами и детьми, которую не заметили стоявшие позади них взрослые.

- Посмотрите! Дети не слушают!
- Они разговаривают... Фу-у! Как некрасиво!
- Да им дела нет до этих слов о боге!
- Они далеки от этого...
- Конечно, далеки. Ведь внимание к божьему слову прививается в семье!
- А у них!! Сиротство, опекуновство, безотцовщина!...
- Американцы зря стараются!

3.

После пения заговорил лысый толстяк в фиолетовой майке. Он рассказывал на своем языке о том, как пришел к вере в Христа. Говорил короткими фразами, заученно, но искренне. Переводчица точно доносила все нюансы интонации и обороты фраз толстяка, которые, как маленькие колокола, зазвучали в ушах и сознании окружающих помост людей.

Внешне реакция детей оставалась прежней. Они переговаривались, толкались, смеялись.

Но американцы, видимо, хорошо знали законы воздействия на слушателей.

После толстяка к краю помоста выехала женщина в коляске и заговорила по-русски, почти без акцента:

– Ребята! Вы услышали слово о сыне божьем. КАЖДЫЙ из вас проникся его любовью. Христос – это любовь! Любовь – истинная! И КАЖДЫЙ из вас (и кто верит в него, и кто не верит) может сказать себе: «Я люблю свою мать. Я люблю своего отца, брата и сестру. Моя любовь – искренняя». Вы должны знать, что Христос любит вас. Он любит ваших близких. Его любовь, как и ваша, – ИСКРЕННЯЯ! Если человек искренен, ему легко познать истину. И поэтому я прошу вас сделать вместе со мною следующее, но сделать это – искренне! Кто верит в Иисуса, сложите ладони вот так (она показала). А кто не верит, может этого не делать. А теперь повторяйте следом за мной со всей искренностью, а кто не может вслух, повторяйте в своем сердце слова нашей общей молитвы. Итак, сложите ладони и закройте глаза!

И, о чудо! Десятки детских ладошек послушно поднялись в молитвенном жесте. Возрастом постарше сделали это, правда, неуверенно и смущенно. Но глаза закрыли все.

– Иисус наш Христос, благослови меня...

– Иисус наш Христос, благослови меня, – пронесся над площадью нестройный хор голосов.

– Благослови эту землю, на которой этот лагерь...

– Благослови это море, которое дает мне здоровье...

– Благослови всех людей, которые заботятся обо мне...

– Воспитателей...

– Работников кухни...

– Директора...

– Его заместителя...

– Дай здоровья мне и моим друзьям...

– Защити и спаси от лукавых мыслей...

– Ты веришь в меня...

– Я МОГУ БЫТЬ ЛУЧШЕ!!...

– Дай мне сил творить добро и противостоять злу...

– Аминь.

Последнее слово импровизированной общей молитвы было произнесено детьми пугающе искренне.

Так быстро прониклись верой в Христа? Или это было что-то другое, для нас, взрослых, неосознаваемое?

4.

После общей молитвы американцы раздали маленькие брошюры "Путь к богу" и красные книжечки со стихами об Иисусе разных авторов.

Был шум, гам, насадный крик ведущего, что всем хватит.

Расстались дети и американцы, довольные друг другом. Одни, что получили подарки. Другие, что их так приняли.

Американцы уехали.

То там, то здесь виднелись фигурки детей, листających подаренные книжки.

Искренно ли они верили в то, что им говорили и к чему призывали? Мысль эта думалась неотступно.

Я присел на скамью.

Возле меня остановилась коротко стриженная смуглая девочка в интернатовском платице.

Почесывая большим пальцем босой ноги левую лодыжку, она, нарочно не глядя на меня, начала старательно, хотя и запинаясь, читать стихотворение из красной книжечки.

В родной школе по чтению у нее "три"! Она знает, что у нее, как говорят взрослые, «нет мозгов»! Она знает, что учиться она всегда будет плохо! Она давно и прочно усвоила это. Но вот ей впервые сказали, что ОНА МОЖЕТ БЫТЬ ЛУЧШЕ! И она, в наивной хитрости проверить, так ли это, останавливается возле меня и читает стихи об Иисусе Христе. Голос ее крепнет, речь становится плавной.

Это удивляет меня, и я хвалю ее.

Мои слова звучат неожиданно искренно. Я знаю, что я не прав в этой искренности. Но все равно, почему-то верю...своим словам!

Знание и вера вступают во мне в противоречие.

Что их примирит? Не знаю. Покажет время.

Уже стемнело. На крыльце воспитатели громко и тревожно зазывали своих питомцев готовиться ко сну. Девочка убежала, довольно подпрыгивая.

А я остался сидеть на скамье и глядеть на разговаривающую в небе вечернюю звезду.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА

М. Е. Крошнева, Н. А. Макарова

Крошнева Марина родилась и живет в России. Кандидат филологических наук, доцент Ульяновского государственного технического университета. В 2003-м году связала свою жизнь и профессиональную деятельность с русским зарубежьем в Финляндии.

Труд писателя как проблема

Среди искусств, которыми в совершенстве овладел человек, почетное место принадлежит литературе как искусству слова. Однако она уступает архитектуре, скульптуре, живописи, музыке, танцу, пантомиме в общедоступности, поскольку художественное слово, как материальный носитель образности, представляет собою менее понятное средство международного общения, нежели доступные для всех, выразительные краски, звуки, движения и прочее, но обладает рядом существенных преимуществ. С точки зрения содержательного признака, литература как искусство слова запечатлевает многообразие предметов, явлений, людей и в определенной фазе, и процессе развития.

В литературе присутствует изобразительность, но нет прямой наглядности изображения. И.А. Гончаров говорил о процессе создания художественных произведений следующее: «Явление, перенесенное целиком из жизни в произведение искусства, потеряет истинность действительности и не станет художественною правдою... Художник пишет не прямо с природы и с жизни, а создает правдоподобия их. В этом и заключается процесс творчества!»

Апеллируя к внутреннему зрению читателя, литература способна запечатлеть *иное*, невидимое, живописать вымышленную реальность. Творческая мысль художника, *словесная пластика* автора, сила таланта

писателя призваны отражать субъективные реакции на предметный мир, поэтому легко можно согласиться с утверждением О. де Бальзака о том, что литература – сложнейшее из искусств, поскольку ставит своей целью воспроизвести природу при помощи мысли.

Художественное творчество возникает в момент обостренного внимания писателя к жизни мира, вселенной. Оно предполагает четкое видение «редких впечатлений», умение их удержать в памяти, осмыслить и преобразить в слове. Литературное произведение – кристаллизация одухотворенных усилий автора-создателя. В результате напряженного, непрерывного труда и горения творческой личности рождается мастерство писателя.

Путь художника слова к созданию шедевра полон многочисленных творческих усилий, в процессе которых приходят в движение дремлющие в нем способности. На работе автора-творца отражаются факторы биологического порядка, восходящие к психофизиологии данного человека, его общей и литературной одаренности. Большую роль в работе над художественным текстом играют память, воображение, ассоциации, вдохновение, внутреннее освобождение.

Кроме того, работа каждого писателя протекает в своеобразных и вполне конкретных исторических условиях, в русле национальной культуры, бытовых особенностей окружающей его литературной среды, мировоззренческих установок и предпочтений *вкуса*.

Понятие вкуса, его наличия или отсутствия, уровня развитости предполагает культуру восприятия впечатлений – *особого* отношения к действительности – эмоциональную рефлексию. Так как рациональная рефлексия считается результатом логического самоанализа сознания, размышлением над собственными мыслями, то эмоциональное волнение несет собою вторичное переживание: переживание впечатлений, воспоминаний, эмоциональных реакций. Такого рода волнения автора не сводятся к его психологическому содержанию. В акте эмоциональной рефлексии они преломляются, преобразовываются и соответствующим образом оформляются в культурный опыт личности. Эстетическое восприятие мира, получаемое сквозь одушевляющую призму эмоциональной рефлексии, не следует смешивать с гедонистическим удовольствием, которое человек приобретает от материального объекта. Таким образом, авторский вкус определяет меру восприятия части, частных, оттенков, подробностей и обладает способностью концентрировать многообразие впечатлений в единстве целого.

О труде писателя можно судить двояко – по результатам работы и по методике работы автора над текстом. Как бы, однако, ни были значительны эти результаты, их недостаточно для понимания пути напряженных исканий писателя. В связи с этим вспоминаются слова великого Л. Н. Толстого: «Не то дорого, что земля кругла, а дорого знать, как дошли до этого».

Было бы заблуждением считать, что замысел и его художественное воплощение всегда полностью соответствуют друг другу. По разным

причинам книги писателей не выходят, какими они были задуманы. Избранная тема порой требует для своего раскрытия таких средств, которые не могли быть заранее предусмотрены. Может также измениться «иерархия вещей»: то, что казалось наиболее важным сначала, затем отходит на второй план, и, наоборот, на первый план выдвигается то, чему раньше не придавалось особого значения. Жизнь, закономерности ее развития усложняют творческую работу художника слова, отражаясь на его замысле, образах и сюжете. Так, например, произошло с А. С. Грибоедовым. Замысел его лирико-философской драмы «Горе от ума» уступил место замыслу общественно-психологической комедии. Усложнившаяся работа над произведением естественно отражается на объеме и продолжительности писательского труда. Ф. Шиллеру, первоначально намеревавшемуся рассказать о Валленштейне в одной пьесе за три недели, потребовалось пять лет, чтобы создать трилогию, в которую разросся первоначальный замысел истории.

Труд писателя зависит также и от особенностей рода литературы. Работа драматурга, ориентирующегося на сценическую интерпретацию своего текста, во многом отличается от работы лирического поэта или мастера прозы.

Каждый писатель сохраняет в своей работе индивидуальные, одному ему присущие черты. Дж. Байрон обладал настолько мощной фантазией, что без труда разрабатывал сюжеты своих произведений. Ламартин, наоборот, отличался бедностью, стандартностью вымысла. Э. Золя не был склонен отделять свои произведения, тогда как Г. Флобер тратил на художественную отделку по нескольку лет упорной работы, всякий раз добываясь наибольшей выразительности слова, предельной музыкальности фразы. К. Гольдони в течение одного сезона создал шестнадцать трехактных пьес. Альфиери одновременно трудился над несколькими трагедиями. Ф. де Шатобриан размышлял с пером в руках. И. Гончаров обращался к бумаге, уже завершив в голове процесс «вынашивания» образов и произведения в целом.

Итак, творческие приемы безграничны и разнообразны. Гегель справедливо высмеял тех писателей, которые хотели получить рецепт изготовления художественного произведения. В сфере искусства нет места инструкциям. Однако еще в эпоху просвещения Г. Филдинг и Д. Дидро раскрыли перед своими читателями «писательскую кухню» и в увлекательной остроумной форме представили «правила лучшего повара» в романе «Приключения Тома Джонса, найденыша» и «дорожном» повествовании «Жак-фаталист и его Хозяин».

Нельзя отрицать значение применения художественного опыта прошлого. Изучение эстетики и техники писательского труда не может заменить собою таланта; но при прочих равных условиях выше будет мастерство того художника, который овладел техникой своего искусства.

В процессе работы автору предстоит иметь дело с реальным жизненным материалом, в состав которого входит все находящееся за пределами творящей личности художника, и все, что содержится в нем самом. Как ни разнообразны

эти жизненные реалии, их нельзя изучать, не имея достаточно развитой культуры внимания.

Объектом внимания писателя может быть объективная действительность или он сам. В последнем случае внимание является предпосылкой к самонаблюдению, к анализу собственных переживаний и мыслей, с последующим наделением этими переживаниями и мыслями действующих лиц своих произведений. В том случае, когда внимание писателя устремлено на внешнюю действительность, оно является необходимой предпосылкой для наблюдения. Там, где наблюдения недостаточно, к нему присоединяется эксперимент, создающий для персонажей более сложные, комбинированные условия существования. Самонаблюдение, наблюдение и эксперимент являются тремя основными путями изучения действительности, по которым в творчество художника вливается необходимый для него материал действительности. Однако у писателей доминируют разнообразные личные методы восприятия реалий.

Охарактеризовав литературу как искусство слова, обозначив социальные, психологические предпосылки творчества писателя, а также методы работы автора над материалом действительности, далее раскрываются этапы труда писателя над созданием литературно-художественного текста.

Замысел и идея. В замысле впервые выражается творческая концепция писателя. Наличие замысла свидетельствует о начавшейся кристаллизации идейно-образных тенденций произведения. Однако замыслу предшествует период первоначального художественного накопления материала.

Пути рождения замысла разнообразны. Он может быть рожден сильной эмоцией или наблюдением писателя над человеком, поразившим его своими качествами, вызвавшим в нем стремление изобразить яркий образ в тексте. Каким бы разнообразием ни отличались эти пути, замысел всегда играет глубоко плодотворную роль в писательской работе, поскольку творчески ее организует. Точно определяя границы своего замысла, писатель впервые обретает здесь возможность распоряжаться материалом и планировать дальнейшую свою работу.

В общую проблему художественного замысла естественно и органично входит вопрос об идее. Она уходит своими корнями в мировоззрение автора и обуславливается его отношением к действительности. Однако идея не является логически оформленным понятием, тем более – сухой научной абстракцией. В соответствии с особенностями художественного мышления она раскрывается в живом и глубоко конкретном движении литературных образов, во внутренне закономерном развитии их действия.

Идея автора приобретает поэтическую форму, ложится в основу словесно-образной ткани произведения. Флобер не раз указывал, что самая оригинальность стиля вытекает из концепции, а любая фраза писателя «до отказа насыщена идеей». Он считал, что идеи должны вытекать одна из другой, увлекая читателя в водоворот метафор и трепетных фраз. Удачно

выразился об идее Короленко: «Художественной идее предстоит найти свой образ». Подлинно художественное произведение характеризуется именно таким органическим слиянием идеи с образами и внешними сторонами стиля. Не логические предпосылки, а глубокие переживания писателя формируют основную мысль его произведения. В творчестве используется лишь то, что органически пережито художником.

Концепция далеко не всегда оформляется в произведении с самого начала. Флобер, например, выясняет ее лишь в разгаре работы над романом «Госпожа Бовари». Тем не менее, наличие концептуального элемента явственно окрашивает собою весь творческий процесс. Этой «концептуальностью» отличались и произведения Гете, боровшегося против абстракций, но вовсе не отрицавшего роли идеи тогда, когда она вполне раскрывалась в художественных образах.

У русских писателей концепция произведения играла особо важную роль. Короленко считал идею «душой художественного произведения», выражая тем самым мнение своих собратьев по перу.

Таким образом, наличие концепции имеет первостепенное значение для работы писателя. В обдумываемой им главной мысли произведения он находит необходимый для него могучий стимул. «Надо, – сказал однажды Лев Толстой, – чтобы созрела мысль, созрела настолько, чтобы вы горели ею, плакали над ней, чтобы она отравляла вам покой». Именно так творил сам Толстой; этой повелительной необходимостью высказать себя в огромной мере стимулировалась творческая работа Данте, Шиллера, Байрона, Гоголя, Достоевского, Маяковского и других.

Собирание материала. Художественное произведение не может быть создано, если писатель не соберет необходимый для него жизненный материал и не овладеет полностью широчайшим фондом реалий жизни.

Собирание материала для произведения на историческую тему часто не имеет естественного конца. Затрачиваемый автором на историческую тему труд бывает резко не соответствующим значению того или иного образа или эпизода. Так, Л. Толстому надо было прочесть достаточно много книг, чтобы написать всего лишь пять строк в рассказе «За что?», завязка которого была связана с польским восстанием 1831 года. В тех же случаях, когда исторический беллетрист жалеет время и силы для всестороннего изучения источников, его образы будут обедненными и в художественном отношении.

Методы собирания материала разнообразны. Писатели могут совершать поездки к местам, где происходили интересующие их события, беседовать с очевидцами, изучать артефакты и так далее, чтобы в конечном виде овладеть фондами исторических знаний о данной эпохе. Особое внимание уделяется при этом биографии человека, который должен стать главным действующим лицом исторического произведения. Такое внимание к деталям как нельзя более характерно для Л. Толстого, заявлявшего, когда он воссоздает

историческое событие, то любит быть до малейших подробностей верным действительности.

Автор, пишущий на исторические темы, становится исследователем избранной им проблемы. Обращаясь к изучению материала, он должен овладеть методами экспертизы, проверки изучаемых им документов. Трудности на этом пути велики и разнообразны. Они сказываются в том, что очевидцы дают крайне противоречивые показания.

В работе над современным материалом, так же как и в работе над историческим, писатель должен знать больше, чем написал. Писатель должен быть сильнее своей темы. Образы и события в определенном их аспекте могут и не быть раскрыты в произведении, которое он пишет, но сам писатель должен знать, как они в этом плане могут развернуться. С другой стороны, перед писателем возникает опасность перенасытить свое произведение материалом. И поэтому, необходим отбор этого материала, суровый контроль над всем собранным воедино. А для этого писатель должен определить границы замысла по отношению к месту действия и ко времени.

Планирование. Труд писателя редко страдает распыленностью и бессистемностью, автор решает стоящие перед ним задачи в определенном порядке и последовательности. Большинство писателей отдает много сил и внимания составлению плана.

«Муки планирования» с наибольшей силой проявились у Достоевского. Главная часть его труда падала не на сам процесс писания романа, а на его подготовку – обдумывание образов, сюжета и композиции. На составление планов к роману «Идиот» потребовалось больше трех месяцев, а в других случаях на планирование произведения уходило несколько лет. Увлечение планированием нередко переходило у Достоевского границы того, что он сам считал для себя допустимым: «Работа моя туго продвигается, и я мучусь над планом. Обилие плана – вот главный недостаток».

Нет необходимости считать эту работу Достоевского типической и обязательной для всех. Такого рода планирование вовсе не характерно для писателей, вынашивавших свой замысел в голове, прежде чем начать его воплощать на бумаге. Кроме того, не было нужды в плане и авторам чисто психологических произведений, без острого сюжета. Кроме того, необходимо уяснить, что план не является чем-то раз навсегда сформировавшимся и застывшим, он развивается вместе с замыслом, вместе с ним и изменяется.

План дает возможность целостного охвата замысла и систематической его разработки. Он очерчивает собой границы той действительности, которая делается предметом внимания автора. Исключительно велика роль планирования для экономии сил и времени писателя. К тому же, план создает для компонентов произведения тот центр, к которому они тяготеют.

Но было бы ошибкой приписывать плану определяющую роль в творчестве. Плановость работы имеет хотя и чрезвычайно важное, но только вспомогательное значение. План хорош там, где он стимулирует творческий

путь писателя, и плох, когда связывает собою его инициативу, мешает его поступательному движению.

Выбор жанра. Планируя произведение, писатель должен поставить перед собой вопрос о его жанровой форме. От этого во многом зависят характеры и композиция произведения, его язык, наличие в нем лиризма, сатиры, юмора. Этой важной проблеме писатель уделяет много сил и внимания.

Мысль о том, в каком жанре создать произведение, возникает у писателя на различных этапах его подготовительной работы, иногда даже до образования у него определенного замысла. Например, Гоголь, обдумывая очередное произведение, сообщает друзьям, что вертится на уме комедия. Писатель полон желания разработать эту новую для себя форму: «Я помешался на комедии». Выпрашивая у Пушкина подходящий сюжет, Гоголь обещает, что духом будет комедия из пяти актов и клянется, что станет она смешнее черта.

Всякий литературный жанр имеет свои структурные особенности и, следовательно, преимущества. Анализируя вопрос о коллизии, Гегель говорил о том, как существенно «приспособить» изобретенную художником ситуацию к данному определенному роду и виду искусства. Сказке, например, дозволяется много, чего было бы недопустимо в другом виде художественного изображения. Наличие этой постоянной взаимосвязи прекрасно понимали и писатели. Бальзак был твердо убежден, что каждый сюжет требует различных красок и связан с различными жанрами.

Прежде чем написать произведение в каком-либо определенном жанре, писатель нередко испытывает возможности различных литературных родов, «примеряя» художественный материал в новую, более соответствующую ему форму. Работа писателя, направленная на выбор жанра будущего произведения выглядит, скорее, непредсказуемой. Так, произведению, задуманному в прозе, при зрелом размышлении может придаваться стихотворная форма. Наряду с превращением прозаических жанров в стихотворные имеет место и противоположный процесс. Нередки случаи, когда от эпической формы писатель обращается к драме, позволяющей ему гораздо резче изобразить намеченные замыслом конфликты. Обращение от драматического жанра к эпосу и лирике также имеет место быть.

Помимо своей художественной функции, выбор жанровой формы произведения имеет экспериментальную ценность. Гете не раз предлагал переделать всякое поэтическое произведение в прозу с целью испытания.

Однако жанр развивается не только в пределах одного художественного качества, он существенным образом видоизменяется. Любопытна жанровая трансформация «Евгения Онегина». Первоначально Пушкин называл его поэмой, позднее – романом, притом особого рода: «Я теперь пишу не роман, а роман в стихах – дьявольская разница». На начальной стадии работы над этим романом Пушкин, по его собственным признаниям, «захлебывался желчью»; но уже вскоре он начал отрицать сатирическую направленность произведения.

Образ. Проблема поэтического образа – одна из самых центральных проблем литературоведения. Образ для писателя не только материал, но и специфический метод познания жизни. Силой созданных им образов писатель воспроизводит действительность.

В понятие образа включается не только персонаж, но и картина природы, метафора или сравнение, та или иная деталь описания и прочее. Однако в большинстве случаев в центре внимания писателя находится реальный образ человека.

У многих писателей работа над образом человека является исходной и определяющей. Для Гончарова творить – значит создавать образ. Он осуществляет процесс персонификации, часто не подвергая возникающие в нем образы контролю своего сознания.

Можно попытаться выделить основные этапы работы писателя над образом: жизненная встреча, поражающая его воображение, за нею – вглядывание в модель, сопоставление ее с другими и то, что инженер назвал бы «техническим испытанием модели».

Создаваемый образ затем вводится в сферу различных действий; тем самым определяется разнообразие его социальных реакций. Запечатлевшись в сознании автора, образы эти поступают в «кладовую» его памяти. В момент творческого возбуждения они вновь окажутся в сфере сознания автора и будут восприниматься как «давние знакомцы» писателя. «И тут ко мне идет незримый рой гостей, / Знакомцы давние, плоды мечты моей...», – писал об этом процессе Пушкин в стихотворении «Осень».

Образ живого человека предстает перед писателем во всей конкретности и пластичности. Заинтересовавший писателя объект представляется ему на более или менее определенном фоне: герои исторического романа видятся Короленко действующими в степи, ночью.

Художественное дарование позволяет создать писателю образ во всем многообразии его жизненных примет и особенностей. Ибсен обычно знал каждое созданное им лицо с головы до пят. Пушкину его черкешенка мила, а любовь ее трогает душу. «Классики, – признавался себе Блок, – любили своих героев. А я люблю обывателей Розы и креста». Так единодушно заявляют о своей любви писатели различных литературных эпох и направлений.

Жизнь писателя протекает среди персонажей, созданных силой его воображения. Автор увлекается ими настолько, что воспринимает их как реально существующих людей. В научной литературе многократно цитировалось заявление Бальзака: «Я еду в Аласон, где живет госпожа Кармон», или его предложение друзьям вернуться к реальности и поговорить о Евгении Гранде. Глубокой верой в реальность своих героев отличался и Диккенс – собственная выдумка действовала на него как подлинная жизнь. Эти примеры красноречиво говорят об отношении творца к создаваемым образам: писатель часто утрачивает представление о границе между литературой и жизнью.

Прототип. Нередко работа писателя над художественным образом начинается с поисков определенного жизненного прототипа. Легко увидеть, какие преимущества обеспечивает этот способ работы над образом в произведении. Существование модели освобождает автора от необходимости выдумывать или творить с помощью логических построений. Располагая определенным прототипом, писатель получает уверенность, что предмет существует именно в том виде, в каком он его изображает. Наконец, имея перед собой конкретную модель, гораздо легче видоизменять ее.

В дореалистическом творчестве прототипами пользовались крайне редко. В них не нуждался ни автор классицистических трагедий Сумароков, ни создатель русской романтической баллады Жуковский. Из этого не следует делать вывод, что романтизму вообще было чуждо пользование моделями. Однако конкретные черты прототипа подвергались здесь самым резким изменениям. Только в художественном реализме обращение к модели становится общепринятым и повседневным явлением. Исключительное внимание, уделяемое им конкретной действительности, побуждает писателя-реалиста рисовать «с натуры». О роли, какую прототип начал играть в реалистическом произведении, свидетельствует комедия Грибоедова «Горе от ума». Никогда еще в русской комедии не фигурировало такое множество людей, живьем выхваченных из дворянской Москвы того времени; почти за каждым угадывались жизненные прообразы, послужившие художнику моделями и сделавшиеся под его пером типами.

У некоторых писателей опора на прототипы приобретает особенно систематический характер. Какую бы черновую программу, план или конспект Тургенева ни взяли, всюду встречаются указания на наличие определенной жизненной модели. Именно так были созданы Антропка («Певцы»), Матрена Марковна («Затишье»), Герасим («Му-му»), Пунин и Бабурин. Постоянно искал прототипы Достоевский, который гораздо больше, чем Тургенев, перерабатывал свойства прототипа. Идеиные метания друга юности Достоевского Шидловского использованы были для образов Ставрогина и Версилова, однако ни Ставрогин, ни Версиров не воспроизвели Шидловского полностью.

Нередко случается, что жизненная модель является только отправной точкой, материалом для дальнейшего писательского «соображения». Использование модели настоящим мастером своего дела всегда бывает глубоко творческим процессом, и в этом смысле прав был Толстой, заявляя: «Андрей Болконский никто, как и всякое лицо романиста... Я бы стыдился печататься, ежели бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет, разузнать, запомнить».

Очень часто писатель не довольствуется для своего образа одной моделью, а творчески синтезирует характерные черты нескольких прототипов. Например, во французской реалистической литературе к ряду комплексных моделей прибегал Бальзак, а за ним и Доде, в романе которого, по его

собственному признанию, «все персонажи созданы ... из отдельных черт, взятых у разных лиц».

Поиск конкретного прототипа нередко придавалось слишком большое значение. Исследователи иногда забывали о том, что художник мог отправляться от группы моделей. Поэтому бесплодны поиски индивидуального прототипа образа Тартюфа, но существует множество моделей, которые могли слиться воедино в творческом сознании Мольера.

Прототип представляет собою естественную основу для создания типического образа. Отбор прототипов ограничен характером дарования писателя, особенностями его замысла: ему нужен не всякий человек, а лишь такой, который поможет воплощению данного замысла.

Характер. Опираясь на данные прототипа и пополняя их, писатель определяет внутренний облик своего героя. Каждый созданный им персонаж должен обладать своими психическими особенностями, выделяющими его из окружающей среды как своеобразную и неповторимую человеческую индивидуальность.

Решение этой исключительно трудной задачи немислимо, если автору неизвестны законы человеческой психологии. Он должен не только знать их, но и научиться переводить их на язык художественных образов. Великие художники слова отдавали себе отчет в ответственности этой задачи. Лермонтов заявлял, что «история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа». Гоголь недоуменно восклицал: «Как до сих пор так мало заботиться об узнавании природы человека, когда как это ведь главное начало всему».

Внутреннему облику поэтического образа должно быть свойственно определенное единство всех его черт и всех этапов его противоречивого, но целостного развития. Без внутренней цельности характер неизбежно превратится в эклектическое соединение ничем между собой не связанных психических деталей.

Сам характер может быть при этом построен двумя способами. Пользуясь первым из них, писатель выделяет в образе основную, наиболее характерную, ведущую черту, рассматривая человека как «играрище одной страсти». Этот принцип наиболее полно представлен в русской литературе героями Гоголя, позднее Щедрина. В реалистической литературе существует и другой метод изображения человеческого характера во всей его многогранности. Л. Толстой лишает героев обязательной прежде доминанты, неизменно подчеркивая текучесть каждого характера.

У таких мастеров психологического романа, как Л. Толстой и Достоевский, характер уже в черновых набросках раскрывается во всей сложности обуревающих его противоречий. Здесь все в глубоких изломах человеческой души, в борениях внутри ее противоположных побуждений.

В область психологического показа человека Чехов вносит отличающие его требования предельной лаконичности. «Лучше всего, – советует он брату, –

избегать описывать душевное состояние героев; нужно стараться, чтобы оно было понятно из действий героев...».

Далеко не всегда характер получается таким, каким его задумал автор. У Андрея Белого бывали моменты, независимые от его авторской воли. Он писал, что образы, рожденные звуком темы, не подчиняются его априорным намерениям: если он видел героя под определенным углом зрения, то все его писательские намерения опрокидывались сразу, как только он пытался воссоздать героя, «гоняясь» за его характером; и сюжет летел вверх тормашками. Но бывают и противоположные случаи, когда автор хочет заставить своего героя принять не соответствующий ему облик, совершать поступки, противоречащие его природе.

Чем глубже и жизненнее задуманный писателем характер, тем он становится самостоятельнее, и, по определению Короленко, «обладает чем-то вроде собственной органической жизни». Замечательные примеры такой самостоятельности демонстрируют английские реалисты. Теккерей признавался: «Я был крайне удивлен замечаниями, которые делались некоторыми из моих героев. Казалось, какая-то невидимая сила двигала моим пером».

Чтобы не «свернуть голову» герою, современные писатели, как и классики, предоставляют ему в необходимых случаях свободу. Причем логика развития образов в типичных обстоятельствах изменяет, а иногда и ломает предварительные замыслы.

Предоставление образу свободы благотворно, даже когда персонажи вступают с автором в острый конфликт. По заявлению критиков, герои должны жить самостоятельной жизнью. Писатели лишь только подталкивают их к задуманной цели. Но иногда персонажи взрывают весь план работы, и уже не автор, а они автора начинают волочить к цели, которая не была предвидена. Такой «бунт» героев и персонажей дает лучшие страницы произведений.

«Восстание» персонажей нельзя считать явлением распространенным; это исключение из правил, но исключение частое и важное, многое определяющее в работе писателя. Данный «мятеж» глубоко плодотворен – он препятствует деспотизму художника слова в отношении к своим героям.

Портрет. Внутреннему содержанию художественного образа соответствует его внешность. Характер действующего лица тесно связан с его портретом. Внешность персонажей, их одежда, возраст, имена и фамилии – все это играет роль в создании целостного поэтического образа.

Примем во внимание, что Бальзак сначала надевает старику Гранде белый галстук, но затем заменяет его черным. Галстук – мелкая деталь, но характерная для французского буржуа. Так автор коротким штрихом оттеняет расчетливость своего персонажа.

Иногда художник еще не уяснил полностью содержания своего образа, но перед его воображением уже маячит определенная черта внешности, характерная подробность его костюма, цвет одежды.

В создании портрета, так же как и в создании характера, художник слова опирается на определенную модель. В черновых фрагментах Тургенева читаем: «Фигура Анны, как у той женщины, которую я однажды видел в Кадном» или «привычка у Синецкой вздыхать, как я видел у жены Рогожина».

Особое место в работе над портретом занимают заботы писателя о возрасте персонажей. Достоевский в «Бесах» детально вычисляет возраст персонажей и годы рождения каждого из них. Он же в «Братьях Карамазовых» уже после отсылки рукописи в редакцию просит «накинуть» год Коле Красоткину. Годы то увеличиваются, то уменьшаются в интересах наибольшего правдоподобия образа.

Писатель уделяет много внимания именам и фамилиям персонажей. Звучание фамилии часто отражает характерные особенности образа. Дело, однако, здесь не только в звуковой, но и в смысловой характеристике.

Вопрос о выборе фамилии имеет любопытную историю в литературе. Классицисты стремились к тому, чтобы имена персонажей указывали на существенные черты их характеров. У Мольера аллегоризм фамилий вошел в правило, но нужно сказать, что французский комедиограф преодолел схематичность данного приема виртуозной техникой фамилии. Таково, например, имя Тартюфа, этимология которого восходит к слову *truffe* – обман, плутня. Но чем дальше развивалась литература, тем реже употреблялись в ней примитивно-аллегорические фамилии.

Работа писателя над именами второстепенная по отношению к характеру действующих лиц, однако, она сохраняет неоспоримое значение для создания целостного образа. Для восприятия образа Бовари не безразлично, что, предполагая сначала назвать героиню Марией, Марианной, а затем – Мариэттой, Флобер в конце концов наделил ее экзотическим для французской провинции именем Эмма. Задача писателя – найти это соответствие между фамилией и характером персонажа, не впадая в излишнее преувеличение.

Сюжет и композиция. К работе над сюжетом и композицией писатель обычно приступает тогда, когда необходимый ему материал хотя бы в общих чертах распланирован.

Писателю предстоит на этом этапе работы осуществить ряд заданий, органически связанных между собой. Во-первых, им определяется тема произведения, на основе которой формируется соответствующий ей фабульный материал. Во-вторых, определив фабулу и еще раньше уяснив для себя общий психологический облик персонажей, писатель создает систему образов, определяет их взаимоотношения. В-третьих, центральной по значению задачей является построение сюжета во всех этапах и эпизодах. В-четвертых, писателя заботит развитие действия и его описание. В-пятых, автор работает над созданием композиционного каркаса, который обеспечивал бы

внутреннюю целостность произведения, единство всех его структурных компонентов. Без решения данных задач автор не может раскрыть свой замысел во всей его полноте.

Определяя композицию, писатель вырабатывает в себе точное знание границ житейской истории, заботится о правильном расположении материала, определяет степень подробности разработки каждой из частей и – что особенно важно – подчиняет все это основной идее произведения.

Работа над сюжетом начинается с темы, обусловленной замыслом произведения. По Горькому, тема зарождается в опыте автора и подсказывается ему жизнью. Тема «гнездится во вместилище» впечатлений писателя, но пока не оформленная, требует воплощения в образах. Найти свою тему бывает писателю тем более сложно, что ему приходится пробиваться к ней сквозь гущу традиционной тематики своего времени.

Раз определившись, тема разворачивается в фабулу, обрастая комплексом определенных мотивов, органически вытекающих из этой темы. Решение этой задачи требует от художника непрерывной и систематической работы по собиранию нужного ему фабульного материала. Не все художники слова в одинаковой мере любили эту работу: по верному замечанию Гончарова, Островскому как будто не хотелось прибегать к фабуле, – это казалось ему искусственным и, в сущности, не очень важным делом по сравнению, например, с характерами действующих лиц, их языком, обликом и прочими характеристиками.

Самым широким источником фабул является современная писателю действительность, бытовой уклад, отдельные реалии, свидетелем которых он является. Особой притягательностью в этом бытовом материале обладают анекдотические происшествия. Ими интересуется Бальзак, их любовно использует Мериме, для которого анекдот представляется надежным средством описания исторического прошлого и современности. Богатым источником фабул является также литература и история.

Исключительное значение действительности для фабулы писателя со всей силой подчеркивал Достоевский, говоривший: «И запомните мой завет: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интриг. Берите то, что дает сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумает вам того, что дает иногда самая обыкновенная, заурядная жизнь, уважайте жизнь!»

Чтобы фабула укрепилась и пустила ростки, она должна отвечать творческим интересам писателя. Вынашивается фабула писателем в течение продолжительного времени. Проверка же ее разворачивается в направлении ее наибольшей типизации: мало найти сюжет, надо проверить его правдоподобие и суметь рассказать его. Правдоподобие не означает еще правдивости, и наоборот, то, что в действительности имело место, не получает тем самым прав на типичность.

Определив состав своей фабулы и произведя всестороннее ее испытание, писатель вплотную подходит к решению сюжетных заданий. Пока это еще только статика сюжета. Перед ним многочисленные образы, которые должны будут принимать участие в произведении. Как каждый из этих образов будет действовать? В каких взаимоотношениях они окажутся друг к другу? Решая эти два вопроса, писатель конструирует систему образов.

Система персонажей во всех своих составных звеньях должна удовлетворять требованиям необходимости и экономии. Иначе может возникнуть опасность «сюжетной рыхлости», перенаселения произведения ненужными героями. Кроме того, система образов непрерывно изменяется. В романе «Бесы» Достоевский на ходу ввел капитана Картузова, развивал его образ в течение долгого времени, а затем вдруг бесследно удалил с поля действия.

Создание системы образов является, по существу, подготовкой сюжетного развития и в то же время первой наметкой будущего композиционного каркаса произведения. Много сил у Достоевского уходило на соблюдение иерархии действующих лиц: образы, казавшиеся ему вначале второстепенными, вдруг, неожиданно для него самого, начинали претендовать на почетную роль героев. Подобный казус имел место в работе над романом «Идиот». Впрочем, Достоевский ничем не отличался здесь от других великих писателей прошлого, у которых система образов также находилась в состоянии непрерывных изменений. Одни образы усердно разрабатывались, но на каком-то этапе работы они вдруг тускнели, и удельный вес их стремительно сокращался. Наряду с этим отведением на задний план одних, не оправдавших себя, персонажей, другие образы в процессе создания произведения приобретали все большее значение.

Группировка образов в пределах системы персонажей всякий раз соответствует соотношению определенных сил. «В моей комедии, – говорит Грибоедов, – двадцать пять глупцов на одного здравомыслящего человека». Такое соотношение сил не случайно – оно подчеркивает собою глубокое одиночество Чацкого, которому противостоит сплоченная фаланга врагов.

Построению системы образов также помогает использование приема контраста. К нему особенно часто обращался Бальзак. То же имело место у Стендаля и Шеридана, в русской литературе – в творчестве Гончарова, Тургенева, Л. Толстого и многих других писателей.

Итак, когда фабульный материал собран и подвергнут испытанию, обдумана во всех своих подробностях система образов, настает черед организации этого материала в действии, приведения фабулы в повествовательную форму. Тем самым создается сюжет, содержащий в себе связи, противоречия, симпатии, антипатии и вообще взаимоотношения людей – истории роста и организации того или иного характера.

В сюжете обязательно должна быть объемность, масштабность. Объемность не означает обязательно большого размера. Произведение может

быть объемным, когда в нем всего несколько страничек, или даже строк текста, – таковы «Злоумышленник» Чехова или «Русский язык» Тургенева. Существо объемности заключается в многозначности сюжета, искусстве отражения в ней не только определенного комплекса жизненных событий, но самого духа, колорита эпохи.

На стадии сюжетно-композиционной работы писателю предстоит организация потока действия – «естественное развитие хорошо выбранного, развернутого и плодотворного сюжета». Сюжет должен увлечь читателя «волшебной тайной рассказа», искусно построенного и захватывающего не только читателей, но и самого автора. Система событий должна придать течению повествования естественность, развитие без всяких натяжек, текучесть собственной силой, без помощи автора. Этому искусству создания единого и закономерно развивающегося действия отдали немало сил такие романисты, как Бальзак и Достоевский.

Работа над языком произведения. Доля писательского труда, отданная языку, особенно велика, потому что художник слова оперирует средствами поэтической речи, постоянно опирается на речевой опыт своего народа. Даже столь важное начало литературной формы, как композиция, отступает перед решающим значением языка писателя.

Представляя собой специфическое оружие литератора, язык призван выражать собою его самые заветные чаяния. Данте заявляет, что целью его труда являются поиски слов, более достойных для Беатриче, поэтому он учится, сколько может. Эти поиски слов, которые были бы достойны избранного художником предмета, необычайно трудны и ответственны.

Без овладения средствами языкового выражения, без выработки оригинальной системы выразительных средств не может быть стилового своеобразия писателя, а стало быть, невозможно и само творчество. Вот почему всякий сколько-нибудь значительный писатель обязан размышлять над проблемами языка, которые он рассматривает в аспекте развития литературного языка народа. Л. Толстой, казалось бы, не имел нужды в таком размышлении – язык свой он выработал уже в первом, дебютном произведении «Детство». Такое предположение, однако, поверхностно. Напряженные творческие искания художника проявлялись и в области языковых средств, демократизации которых он с особенной настойчивостью добивался начиная с 1880-х годов.

Язык писателя выполняет не только коммуникативные, но и экспрессивные функции. Всякая речь имеет предмет обсуждения, обращается к реальному или возможному собеседнику или слушателю, выражает то или иное отношение говорящего к тому, о чем он говорит, и к кому он реально или мысленно обращается. Стержнем, канвой смыслового содержания речи является то, что она обозначает.

Чтобы исправно выполнять взятые на себя коммуникативные функции, речь писателя должна удовлетворять требованиям смысловой точности.

Соблюдение точности, однако, не должно идти в ущерб самобытности творчества, так как поэт не копирует жизнь, а творчески воспроизводит ее.

Работа над языком нелегка. Она требует величайшего вкуса и чувства меры – без этого писателю невозможно придти к своему собственному стилю.

Создание текста. Охарактеризовав работу писателя над замыслом, идеей, реальным материалом, сюжетом, жанром и языком произведения, можно перейти к самому процессу создания текста.

Труд писателя, как и всякий другой труд, протекает в определенной социальной обстановке и теснейшим образом связан с творческими интересами данного писателя, особенностями его психики, наконец, с материальными условиями, в которых ему приходится жить и творить.

У каждого художника есть свои творческие привычки и навыки. Одни поэты успешнее всего работали вдаль от шума больших городов. К этой категории создателей принадлежали Лафонтен, постоянно сочинявший на чистом воздухе; Пушкин, который неизменно предпочитал деревню, ибо «в глуши звучнее голос мирный, живет творческие сны». В деревенской обстановке протекала и деятельность Некрасова, главные произведения которого сочинялись летом, в пору его отъезда из столицы, вперемежку с охотой.

Эти случаи закономерны, но не типичны. Диккенс как никто нуждался в постоянном шуме лондонских улиц. Гоголь также ничего не мог делать в деревенской глуши. Живя в Париже, он поселился в одном из самых шумных мест, чтобы из окна своей квартиры следить за движением парижской толпы. Этот писатель также любил Италию – страну богатого темперамента, звонкий и мелодичный язык которой оглушал приезжих.

Русские писатели дают нам немало примеров успешной творческой работы в самых неподходящих для этого условиях. Пушкин написал песенку «Как в ненастные дни...» во время карточной игры, мелком на рукаве; Лермонтов, находясь под арестом в Петербургском ордонанс-гаузе, писал вином, печной сажой и спичками. Вспомним здесь и Маяковского, который творил в кафе, в ресторане, за игрой на бильярде.

Хотя творчество и не требует обязательно благоприятных условий, оно все же успешнее протекает там, где писатель имеет возможность отключиться от мелких посторонних раздражений, мешающих творческому процессу. Художники слова во все времена добивались этой, хотя бы и временной, изоляции от житейской суеты.

Разнообразием отмечены не только внешние условия, в которых протекает творческая жизнь, но и сам процесс писания. Например, вопрос о регулярности работы. Неровный ритм создания текстов отличал многих великих писателей: Гете отвлекался от нее административной деятельностью и научными интересами, а Жорж Санд ежедневно создавала определенное количество страниц, работая без каких-либо «простоев».

Таким образом, можно сделать вывод, что ни один из методов писательской работы не может быть предпочтен другому как единственный и обязательный.

Отделка. Структура только что созданного текста чаще всего несовершенна: ее нужно очищать, заново прорабатывать, освобождая от всего лишнего. Все это выполняется в процессе отделки произведения во всех планах – идейно-тематическом, образном, сюжетно-композиционном и языковом.

Достоевский называл величайшим умением писателя умение вычеркивать: «Кто умеет и кто в силах свое вычеркивать, тот далеко пойдет». «Вы не отделяете, – говорил Чехов одной беллетристке, – отчего ваши вещи кажутся растянутыми, загроможденными, в них нет той компактности, которая делает живыми короткие вещи. Вы не хотите или ленитесь удалить резцом все лишнее. Ведь сделать из мрамора лицо, это значит удалить из этого куска то, что не есть лицо».

Процесс отделки иногда отделен во времени от процесса писания, но бывает это далеко не всегда – иногда писание и отделка совмещаются. У Гете отделка как самостоятельный процесс вообще не имела существенной роли. Вынашивая в течение долгого времени произведение, он писал его начисто – так была создана первая часть поэмы «Фауст».

Некоторые писатели наоборот так привыкают к отделке, что она становится для них одной из самых ответственных стадий творческого процесса. К писателям этого типа принадлежал Лесков, который вообще не мог писать, не отделявая.

По-особому процесс отделки проходил у Бальзака, у которого, в сущности, не существовало белой рукописи – он сдавал в типографию нечто вроде первоначального конспекта. Не обрабатывая рукописи, Бальзак проводил иногда до двенадцати корректур, работая над которыми он зачастую полностью изменял свой первоначальный текст.

Необходимо отметить, что в беспрестанных изменениях кроется серьезная опасность: отделявая слишком усердно, можно испортить произведение.

Итак, каждый писатель по природе своей уникален и интересен, однако он не сможет стать настоящим художником слова без знания техники литературного дела. Овладение этим мастерством может быть весьма облегчено внимательным и вдумчивым освоением опыта классиков. Творческое использование этого богатейшего опыта может существенно помочь дальнейшему развитию современного литературного процесса.

Далее предлагается библиографический список литературы по теме работы, состоящий из двух частей «Монографии, сборники статей» и «Статьи в периодических изданиях», позволяющий дальнейшее самостоятельное пополнение знаний по описанной проблеме.

Библиографический список

Монографии, сборники статей:

1. Басов Н. В. Творческое саморазвитие, или как написать роман / Н. В. Басов. – М. : Фаир-Пресс, 1999. – 368 с.
2. Грифцов Б. А. Психология писателя / Б. А. Грифцов. – М. : Художественная литература, 1988. – 462 с.
3. Лотман Ю. М. О русской литературе / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2005. – 845 с.
4. Нигматулина Ю. Г. Комплексное исследование художественного творчества / Ю. Г. Нигматулина. – Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1990. – 148 с.
5. Розанов В. В. Собрание сочинений. О писательстве и писателях / В. В. Розанов. – М. : Республика, 1995. – 734 с.

Статьи в периодических изданиях:

1. Баткин П. Неужели вот тот – это я? / П. Баткин // Знамя. – 1995. – №2. – С. 189–195.
2. Гаспарян С. К. К вопросу об изучении индивидуального стиля автора / С. К. Гаспарян // Филологические науки. – 2004. – №4. – С. 50–57.
3. Цветова Н. Наблюдения пессимистки. / Н. Цветова // Нева. – 2006. – №11. – С. 203.
4. Чайковская В. Неравнодушное зеркало. Загадки жизни и авторская позиция / В. Чайковская // Литературное обозрение. – 1983. – №11. – С. 19–24.

ХРОНИКА

Русский кружок

Одиннадцатого ноября 2009 года
В институте Ренвальда состоялось
Занятие русского кружка.
Тема: «Поэзия и философия Даниила Леонова
В современной русской культуре».
Сообщение делал поэт и исследователь
Борис Романов.
Присутствовали в основном филологи,
Люди, знавшие или слышавшие
О Данииле Леонове. Я же услышала о нем
Две или три недели назад,
Тогда же, когда узнала о Борисе Романове.
По этой причине сообщение это
Было особенно интересно мне.
Докладчик оказался интересным исследователем
И прекрасным рассказчиком.
Слушали его очень внимательно.
Когда Романов сказал, что творчество Леонова
Было совершенно неизвестно его современникам
И что его произведения до сего времени
Никогда не печатались,
У меня возникли ассоциации с поэтом-
Акмеистом Вадимом Гарднером,
Который последние тридцать восемь лет
Своей жизни прожил в Финляндии
И похоронен в Хельсинки.
При жизни у него вышло только
Четыре сборника, два – в недавнее время.
Основная же часть его произведений
Никому не известна до сих пор.
К тому же, меня поразило сходство имен -
У Даниила Леонова был брат Вадим,
А у Вадима Гарднера брат – Даниил.
Обо всем об этом мне захотелось поговорить
С докладчиком после окончания заседания.
Интересна, и в каком-то смысле, типична
Была судьба и Даниила Леонова.
Он – сын всемирно известного писателя.

Рождение его послужило причиной смерти матери.
Детство в московской интеллигентской среде.
Но это также было причиной того, что
Он не смог закончить своего образования,
Так как проповедовал
Взгляды и воззрения, несовместимые
С примитивным революционным энтузиазмом
Пролетарской молодежи тех лет.
Увлекался мистицизмом и теософией.
В роковые тридцатые он начинает писать
Роман о покушении на Сталина.
Во время войны, несмотря на болезнь,
Был призван на фронт. Но и там не задыхался
От казенного патриотизма. В событиях войны
Он увидел схватку двух чудовищ,
Одинаково жестоких и беспощадных.
После войны, когда пресс сталинского террора стал
Постепенно усиливаться, он продолжал писать свой
Антисталинский роман. Когда его арестовали,
То в качестве обвинения ему инкриминировали
События, представленные в незаконченной книге.
А свидетелей, как известно, найти не трудно.
В застенках Лубянки был уничтожен весь архив поэта...
Слушатели, и искушенные, и неискушенные,
Такие, как я, были захвачены рассказом и забыли про все.
Но тут вдруг откуда-то явилась пожилая дама и объявила,
Что времени осталось всего пять минут!
Лектор успел лишь сообщить дату смерти поэта,
А одна из слушательниц умолила позволить ей задать
Только один вопрос, который мучил ее после
Прочтения поэмы «Роза мира».
У всех было ощущение досады, неудовлетворенности
И боли в нижней части живота,
Какие бывают после прерванного полового акта.
Не глядя друг другу в глаза, все очень быстро
Разошлись по домам.

12.11.09

Людмила Яковлева